



Каждый путешественник мечтает, чтобы о его экспедициях прочитало как можно больше народа. Только тогда есть смысл в путешествиях. Они исследования, они для людей. Тем путешественник и отличается от туриста. Последнему достаточно увидеть загадочное место, первому - важнее понять причину загадочности и написать о том. Я благодарен газете «Криминал-Экспресс», согласившейся опубликовать очерк о моем первом большом путешествии, которое состоялось летом 1998 года. Прошло пятнадцать лет. За это время многое изменилось. Стала другой Сибирь, стало больше известно о ее истории, стал другим я. Сегодня я бы не стал писать так, как писал летом 1998 года, публикуя свои дневниковые зарисовки в газете «Омский вестник». Не скрою, готовя материалы о своих походах для книги «О Сибири своими словами», я редактирую опубликованное когда-то. Не радикально, но все же правлю. Сегодня у меня мироощущение пожилого человека, а не того мужчины сорока с небольшим лет, по какой-то непонятной причине задержавшегося в возрасте двенадцатилетнего мальчишки. Если читатели получат удовольствие от очерка, буду искренне рад. И благодарен! За доброе отношение к автору.

В КРАЮ НЕХОЖЕННЫХ ДОРОГ

... Две группы вооруженных конников стояли друг против друга. Даже глаз неискушенного в военном деле человека заметил бы массу различий между ними. Всадники, спины которых прикрывала небольшая таежная речушка, были хрупкого телосложения, вооружение имели самое разношерстное: от луков до ножей, да и кони под ними не отличались статью. Эту шеренгу составляли юные всадники в возрасте от 16 до 20 лет. Наложницы хана Кучума. Они, еще несколько дней назад выполнявшие любые прихоти своего властелина, сегодня уже не считали себя рабынями. И готовились либо отстоять свою свободу, либо умереть свободными женщинами. Их было 300.

Напротив боевым порядком, заслоняя собой берег Иртыша, стояла конная сотня смуглых воинов - личная гвардия Кучума: крепкие всадники с суровыми лицами, выносливые жилистые кони, блестящие металлом доспехи.

- Вот здесь они и сошлись в бою, - показав на подножие большого холма Марсил Бухарин, татарин из деревни Малая Бича Усть-Ишимского района.

Малая Бича, что в переводе с татарского означает «младшая жена», - самое северное поселение Омской области. Оно находится примерно в полутора километрах от границы между нашей и Тюменской областями. А Марсил - мой проводник. Он сам вызвался показать мне местные пирамиды и объяснить, как они возникли.

Мы разговаривали рядом с высокой заросшей лесом горой, где, по словам моего сопровождающего, в конце XVI века, во времена противостояния Ермака и Кучума, разыгралась кровавая драма. Марсил говорил, а мое воображение вслед за словами рассказчика рисовало свою картину.

Соперники в едином порыве - воины с гортанными боевыми кличами, наложницы, подбадривая себя визгом, - устремились навстречу друг другу. Стрелы, пущенные из луков, нашли свои цели или улетели в зеленую даль полян. Затем началась схватка лицом к лицу. Женщин, не имевших боевого опыта, рубили саблями, сталкивали с седел, топтали конями. Из 300 наложниц лишь полсотни прорвались к Иртышу.

Победители не торопились их преследовать. У них нашлись дела поважнее. Мужчины срывали украшения с убитых, наслаждались юными красавицами, оставшимися в живых. Любовниц на миг позже постигнет участь павших в бою подруг...

Я слушал Марсила и явственно ощущал чувство счастья. Нет, не от жестокого сюжета предания, а по другой причине. Я только-только начал свой велопробег по следам Ермака - и такая удача! В смысле - такая легенда! В поход, повторяющий путь Ермака по нынешней территории Омской области, меня спровоцировали разговоры со знакомыми. Большинство из них, подзабыв школьный курс истории, уже не помнят и о том, что прославленный казачий атаман в на-



Так выглядит Девичья гора сегодня.

ших, омских, пределах тоже побывал. Когда же начинаю упрекать приятелей в беспамятстве и неуважении к прошлому родного края, они мне резонно отвечают: «А где прочитать? Газеты сплошь политикою забиты. Если ты такой умный, то возьми и черкани о том статеечку, народ тебе за нее кроме «спасибо» ничего не скажет». Конечно, я мог бы засесть за книги и опубликовать реферат из прочитанного. Но мне это не интересно. Я решил пройтись по прииртышским деревням Омской области, где когда-то останавливался Ермак. Чтобы узнать, как те селения выглядят сегодня и помнят ли там о казачьем атамане. В качестве транспорта выбрал велосипед. Ермак, правда, поднимался по Иртышу на стругах, так у него на веслах крепкие мужики сидели. Где нынче таких взять?

А теперь возвращаемся к повествованию Марсила о наложницах.

На следующий после боя день, продолжал рассказывать мой проводник, татарки из расположенной рядом деревеньки Сямтэ (позже русские дадут ей название Лешаково), собрали убитых девушек и перенесли на вершину останца, скрытого от чужих глаз деревьями. Останец - высокий холм, оставшийся от крутого берега Иртыша, поменявшего свое русло.

Женщины приготовили для девушек общую могилу. На шею и запястья павших красавиц вместо сорванных победителями золотых украшений надели бусы и браслеты попроще - из бронзы. С себя снимали порой последние. Кто жив, тот еще купит, мертвые же такой возможности лишены. А как молодой женщине, пусть и на том свете, без украшений? Кому она там, где вечная жизнь, такая, словно серенькая птичка, понравится?

Затем татарки приступили к собственному погребению. В подолах платьев, как гласит предание, носили землю, закрывая в могиле бывших наложниц. Вершина погребального кур-

гана, постепенно вырастая, поднялась над лесом, но женщины не прекращали работу. И мужчины, полные хозяева их судьбы, нетерпеливые в других случаях, теперь им не мешали. Каждая наложница хана, скорей всего, приходилась дочерью татарскому князю из той или иной прииртышской деревни. Они служили не столь в роли любовниц, сколь заложниц. Жизнь девушек являлась залогом покорности их отцов пришлому завоевателю.

Татарки трудились долго. Они создали внушительное сооружение. Настоящую пирамиду. Она даже сегодня, после четырехсот лет, минувших с того времени, примерно на 40-50 метров поднимается над землей. Тут для мощных грузовиков с экскаватором на месяцы работы, а в XVI веке землю рыли деревянными лопатами.

Но то, что создается долго, надолго и остается. Вершина Кэслар-торы - женской горы, сейчас ее называют Бабьей или Девичьей, до сих пор возвышается над окружающей тайгой. Настоящая пирамида по всем параметрам и признакам. Однако внешне она сильно отличается от классических пирамид, то есть от любой из пирамид Египта или инков. Девичья гора сооружена не из камня, а из глины и чернозема. Поэтому во влажном климате сибирской тайги быстро покрылась лесом. Ее зеленый отлив деревьев пик заметно поднимается над горизонтальной линией тайги. Но незнающий деталей человек никогда не подумает, что это внешний вид огромной горы, он скорее посчитает, что в том месте находится остров из особенно высокого леса - столетних кедровых или сосновых зарослей. Неподалеку от Девичьей горы лежит татарское кладбище. Красивое, если можно применить такое определение к подобному грустному месту. Даже в документальных исторических фильмах мне столь потрясающих картин видеть не приходилось.

А гора перекопана. Под корнями вековых берез и сосен круглыми горловинами чернеют огромные ямы - следы работы местных кладоискателей.

Поучаствовали в раскопках и представители криминальных кругов. Последних простенькие украшения древних татарок не интересовали. Они искали другое. Согласно современным легендам, недра Девичьей горы кроме старинных украшений скрывают также оружейные сконы из винтовок и маузеров.

Историческая основа для таких легенд есть. В XX веке война дважды прокатилась по окрестностям Малой Бичи. В 19-м году красные рабоче-крестьянские полки по берегам Иртыша преследовали отступавшие колчаковские войска, которые без счета прятали или просто бросали оружие. А в начале 20-х, до-

веденные до отчаяния грабительскими продрозверстками советской власти, местные крестьяне сражались уже против Красной армии.

Гора страдает не только от разного рода копателей, но и от бурь. Плодородный слой тонок, ветер легко валит, вырывающая вместе с корнями стволы деревьев, растущих на вершине пирамиды. На кружавинках в месте вырванных корней встречаются осколки керамической посуды, чернеют угли и зола древних костров.

Девичья гора наводила на множество размышлений, но меня, не скрою, все-таки больше занимала судьба проравшихся наложниц. Да и Марсилу, видимо, было интереснее рассказывать о них. Кучумовцы, по его словам, настигли оставшихся в живых девушек километрах в ста от этих мест - у деревни Эбаргуль, расположенной за Усть-Ишимом в сторону Омска.

Но как получилось, что наложницы решили покинуть грозного хана?

После поражений в боях с русскими казаками Кучум лишился своей столицы Искера, а свиту, которую надо содержать, имел приличную. Бытовые условия упали ниже всякого приемлемого уровня. Сузге, любимая жена Кучума, понимая, что в сложившейся ситуации кое-чем необходимо жертвовать, на свой страх и риск - собственный женский интерес она тоже блюла - раздала наложницам оружие, коней и отправила восвояси. Хан, узнав о распоряжении жены, тут же отменил его. Следом за наложницами отправил отряд воинов. О произошедшем дальше читателю уже известно. Разумеется, я, как мужчина, понимаю Кучума, хотя в то же время, являясь современным гуманным человеком, осуждаю его. За жестокость и потакание своей невожденности. Последний фактор сыграл для хана самую роковую роль. Отправив за наложницами отряд всадников, он ослабил войско. Потому и проигрывал бои с Ермаком. Впрочем, я, видимо, сужу поверхностно о характере Кучума. Без учета реалий конца XVI века делать однозначные выводы о его поведении все-таки рискованно. Он ведь, потеряв наложниц, лишился в их лице и заложниц. Остался без средств воздействия на племенных вождей. Теперь они имели выбор: послать ли воинов на помощь Кучуму, присягать ли на верность Ермаку или просто отсиживаться в своих владениях, дожидаясь ясности в войне между бухарским ханом и русским атаманом.

Я не берусь утверждать, будто бы услышанная от Марсила легенда о наложницах - полная правда или хотя бы часть правды о действительно имевших место исторических событиях. Одно бесспорно - легенда Марсила даже красивая, и грех ее не воспроизвести.

Виктор ГОНОШИЛОВ
Фото автора

(Продолжение в следующем номере).

Я часто грущу по поводу нашей русской непедантичности. Скажите, пожалуйста, как так получается: если Александр Македонский отправляется на завоевание очередной страны, то все у него подсчитано - от числа стрел до количества мехов с вином. До сегодняшнего дня историки с древними учетными ведомостями работают. С чем же и с кем уходил на покорение Сибири Ермак, кажется, никто не знает. Даже год начала похода точно неизвестен - то ли 1581-й, то ли 1582-й. Дата и место смерти Ермака тоже под большим вопросом.

Теперь, после собственных сборов в велопробег, начинаю понимать, почему так в России происходит.



Обелиск в Тобольске - самый высокий из памятников Ермаку. Поставлен неподалеку от места решающего сражения казаков с войсками хана Кучума, которое произошло 26 октября 1582 года.

комфортнее, чем сухопарым пьяницей (подробнее о том, как быстро стать алкоголиком, долго бросать пить и потом не срываться в штопор рассказывается в моей же статье «Алкоголь, или Последней капкан», опубликованной на сайте СОЦНАДЗОР. - Прим. автора).

Ступив на землю Малой Бичи, по давно сложившейся собственной традиции нахальства, пошел искать самого знающего местного жителя, желательного татарина по национальности, дабы он просветил меня исторически. Мне отвечали, что такого татарина я здесь не найду, зато со знающей татаркой могу пообщаться запросто.

Ею оказалась женщина средних лет Роза Набиевна Яхина, вдова, неформальный лидер местных татар. Характер сильный, я бы даже сказал, нордический.

Гостевал я у нее в жаркое время. Только-только притих молодежный конфликт. За три дня до моего при-

В КРАЮ НЕХОЖЕНЫХ ДОРОГ

Выпивают на природе Ермак и полновесный представитель царя в среде казачества Гришка Битый Лоб.

- Эх, Гриня, - наполнив очередную стопку анисовкой, произносит с тоской Ермак, - сороковничек я уже разменял, а ничего путного, кроме непотребства - купцов грабил, чужих женок пользовал, - не совершил. И силушка во мне бурлит непомерная, и люди верные под рукой есть, а дела хорошего нету.

- Тимофеич, - оживился Гришка, - об чем разговор. Враз устрой. Наш добрейший царь Иван Василич Грозный, не к ночи будь помянут, давно с Кучумом, сибирским ханом, посчитаться желает. Тот, видишь ли, то признает себя данником и подати исправно шлет, то нет, и в посольских грамотах своих царя-батюшку таким срамными словами поносит, что даже среди казаков молвить стыдно. На русские деревни отряды свои насылает.

- А провиант где возьму? - с ходу берет быка за рога Ермак.

- К купцам Строгановым зайдешь и все получишь. Царь им за это налоговые льготы положит.

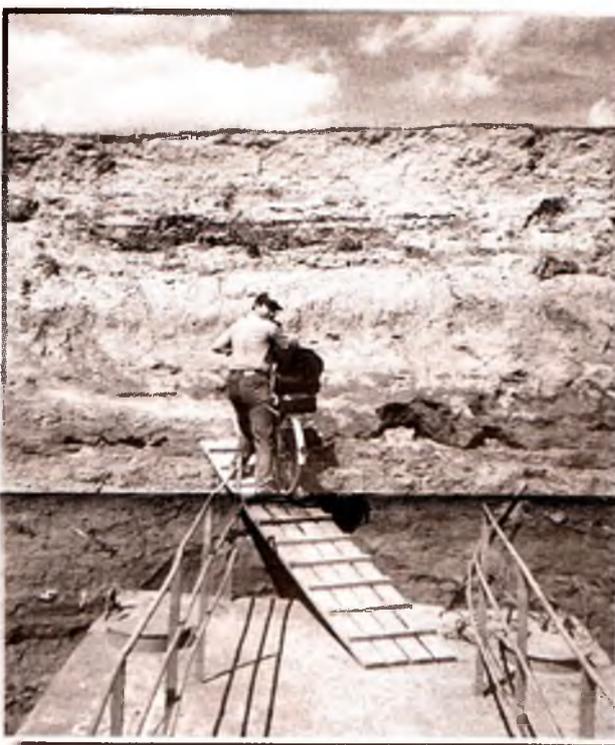
Ермак казаков собрал, горы золотые, прикрываясь царским словом, насылил и повел в Приуралье. Заскочил к Строгановым. Те ему:

- Миссия ваша секретная. По бумагам проводить не велено. Высочайшего Указа никакого нет. Без всего этого мы рады бы, конечно, но дать ничего не можем. Как потом списывать?

Ермаку не оставалось ничего другого, кроме самовольного разгрома складов и захвата что под руку попадется. Какой же дурак будет составлять перечень имущества? Лишняя улика. И правильно, кстати, сделал. Сейчас тот разор историки приписывают другому атаману, входившему в ватагу Ермака, - Ивану Кольцо. Ермак Тимофеич - то, оказывается, мягким и добрым был, а Ванька Кольцо - буяном и дебоширом. Состав Ермак документ - еще неизвестно, в какую сторону дело с его посмертной славой повернулось бы.

В первом варианте экспедиции «Омского вестника» планировалось охватить все районы области. Переговоры о спонсорской помощи с апреля велись с банком «СБС-Агро». Проект хвалили. А за десять дней до старта я получил отказ. Судорожные поиски новых благодетелей ни к чему не привели, хотя речь шла о более чем скромных суммах.

Затем плюнул на всех, походил по знакомым и родным: занял велосипед, видеокамеру, прикупил самое необходимое - самое дешевое и самое некачественное. В самый последний момент на слезную просьбу редакции о помощи откликнулся Омскпромстройбанк.



Автобусом добрался до Усть-Ишима (велосипед пришлось латать - растрясло), затем теплоходом местной линии «Заря» - до Малой Бичи, приграничного с Тюменской областью села, наполовину населенного татарами.

Малая Бича - леспромхоз, создан в начале пятидесятых. Он поглотил татарскую деревню Лешаково, которую коренные жители по-прежнему называют древним именем - Сямтэ несколько выделяется из Малой Бичи. Она находится на отдельном, царствующем над равниной, возвышении. Никто из геологов пока не взялся объяснить его происхождение. На мой взгляд, есть три гипотезы, которые так или иначе подходят для обоснования причин появления скромной по площади возвышенности.

Первая. Плато является рукотворным. Оно возникло благодаря тому, что поверхностные слои грунта в округе пошли на погребальные курганы. Место же, где находилось поселение, само собой, было не тронут. Так деревня и очутилась на возвышении.

Вторая версия. Здесь веками жили скотоводы. Земледелием не занимались, значит, навоз на поля не вывозили. Почва с каждым годом поднималась все выше и выше. Уже упоминавшийся Марсил Бухарин рассказывал, что в старых татарских деревнях глубина навозного слоя достигает двух-трех метров, а сверху он прикрыт почвой более позднего происхождения.

И третья предположение. Место, выбранное для основания Сямтэ, тоже останец, как и под Девичьей горой, то есть часть прежнего берега Иртыша, только обжитое.

А почему русские называли деревню Лешаково? Ответ ясный. Тени погибших девушек тревожили переселенцев (о сбежавших от Кучума наложницах рассказывалось в предыдущем номере - Ред.). Тут нет никакой мистики. В утреннем поднимающемся над местными болотами тумане какие нарисует твоё воображение фигуры, такие и увидишь.

В Малой Биче «микрорайон» Сямтэ выделяется не одним расположением на возвышенности. Там дома с наличниками редкой красоты. Нерусские мотивы улавливаются сразу же. О том говорит яркое, на все цвета радуги, многоцветье, а в рисунках русских наличников обычно господствует два цвета: белый и голубой. Выделяет наличники с национальными татарскими мотивами из череды прочих сибирских их угловатость. Благодаря угловатости рисунка наличников, в них, как нигде, органично вливается пятиконечная звезда.

В Малую Бичу я попал 21 июля в восемь часов вечера. С велосипедом и двумя тяжелыми сумками выполз из чрева теплохода по трапу на местную землёй. Почти сразу же трое каких-то бичей хотели вовлечь меня в пьющую компанию. Отказался.

Прошло всего полтора года, как я окончательно и, надеюсь, хотя из суеверия боюсь даже загадывать, бесповоротно бросил пить. Из алкоголизма выходил тяжело. Два года просыпался с одной мечтой: миновать винно-водочный киоск и не покуситься на его товары. Все киоскерши городка Нефтяников и центра Омска знали мои многострадальные командирские часы. Они шли в залог, когда в кармане оставалась только мелочь на маршрутный автобус, чтобы добраться до дома, а организм беспрекословно требовал зелья. В качестве последней попытки победить тягу к алкоголю я дал обещание высшим силам, что никогда и ни перед кем не стану скрывать свой пожизненный порок: ведь алкоголизм - болезнь навсегда. Поэтому не имею права не упомянуть о своей пагубной страсти и сейчас. Лечился же по собственной методике: много ел. Сытностью желудка побеждал тягу к спиртному. За год с небольшим располнял на 30 килограммов. Грущу не сильно. Жирным трезвенником быть

езда две компании готовились сойтись в драке. У Розы Набиевны двое сыновей. Парни самого горячего возраста, около двадцати, тоже собирались принять участие в схватке. Всего около 30 голов сосредоточилось по обе стороны изгороди у ее дома. Увещевания госпожи Яхиной, мол, драться нехорошо, пропадали втуне. Тогда она вбежала в избу, а оттуда выскочила с ружьем. Первый выстрел - предупредительный - произвела в воздух. На поражение стрелять не пришлось - группировки рассосались.

По словам хозяйки, несколько «дембелей», вернувшихся домой, пытаются проводить патристическое воспитание местной молодежи - бьют не служивших в армии.

Сыновья моей хозяйки и их друзья, готовясь к отпору дембелям, создали спортплощадку для занятий рукопашным боем. Спорткомплекс прост до наивности. Берег речушки. Несколько берез. К стволам двух прибита доска. На ней отрабатываются удары руками, ногами и головой. Поприсутствовав на тренировке, я отсоветовал избивать доску головой: доске все равно, а мозги страдают. Еще ни из одного боксера профессор по математике не получился.

Мне немного было не по себе. Умные парни, хорошо знают местную историю, с ними интересно поговорить, а дали втянуть себя в такую ерунду.

Вечером за сыновьями Розы Набиевны заскочили двое подростков (кино интересное шло в клубе). Мы с хозяйкой остались одни. Что и заставило нас нарушить старую татарскую традицию: за столом с гостем имеют право сидеть одни мужчины, а женщина должна находиться рядом с гостем и следить, чтоб у того не пустела чашка с чаем. Подливать требуется до середины, и подливать как можно чаще, дабы гость осознал все уважение хозяев к нему. Мы же с Розой Набиевной уселись вдвоем за ужин. Поскольку весомость застольных рассуждений в большей степени зависит все же не от мужского или женского ума отдельно, а от ума, присущего конкретному человеку, то у нас с Розой Набиевной и в такой скромной компании разговор, если оценивать его по интеллектуальной составляющей, получился неплохим. А общались мы с ней под непривычное для меня блюдо: окуни жаренные на сковороде среди картошки. У русских, как известно, жареная рыба и жареная картошка - блюда самостоятельные. Мне новшество понравилось. Вернусь в Омск, попробую приготовить.

Виктор ГОНОШИЛОВ
Фото автора

(Продолжение в следующем номере).

ИСТОРИЯ СИБИРИ В ЗАСТОЛЬНОМ ВАРИАНТЕ

Разговор наш с Розой Набиев-ной Яжиной под картошку и рыбу, вопреки предположениям, как я думаю, немалой части читателей, шел не в амурном, а глубоко-историческом русле. Перед походом я почитал книжки о прошлом Сибири, включая доермаковский период. Путаницы много, логическую связь уловить сложно, но что-то я все-таки помнил, что-то знала моя собеседница. Где-то мы спорили между собой и в чем-то до конца так и не согласились друг с другом, где-то дополняли друг друга, и общая картина, по крайней мере, в моем сознании, получалась следующей.



Холм, на котором стояла столица Сибирского ханства Искер.

- «Омский вестник»! Гоношилов! Для вас - все, что угодно.

К сожалению, на «все, что угодно» времени не оставалось - труба зовет.

Милейшая Роза Набиевна сует в сумку пакет с пирожками. Отказываюсь. Она не слушает. Правильно делает - следующую ночь я провел в лесу, с пирожками время шло быстрее.

Теплоход «Ракета». Матрос помогает затащить на корму велосипед. Тяжелый, зараза. А ступеньки то вверх, то вниз, и проход узкий.

Через полчаса высаживаюсь на тюменской территории в селе Большой Карагай. Местный парень Ринат потеет вместе со мной - мы по почти вертикальному трехметровому обрыву поднимали мою двухколесную машину.

В Карагай меня заманил слух о начале здесь таежной кучумовской дороги к озеру Большой Уват - там хан утопил свои несметные сокровища. Войско Кучума уходило от русских по лесу, мостя лежневку из бревен. Километров

В КРАЮ НЕХОЖЕНЫХ ДОРОГ

В XIII веке Западная Сибирь была включена в состав Золотой Орды (улус Джучи - старшего сына Чингисхана). После смерти улус Джучи перешел к его наследнику Батыю. Именно от этого хана Русь пострадала больше всего, при нем русские князья были вынуждены признать ордынское иго. Батый часть территории улуса, в том числе и земли Западной Сибири, выделил брату Шибану. После смерти последнего угорские и тюркские племена объявляют суверенитет. Шибаниды, князья различных сибирских племен и народов воюют друг с другом, объединяются, снова воюют, что приводит к формированию двух ханств: Ишимского и Тюменского.

Столица Ишимского ханства - Кызыл Тура (Красный город) - находилась где-то неподалеку от современного Усть-Ишима. Ханским троном владел Саргачик (к сожалению, его родословная мне не известна). Был ли он представителем местных татар или из потомков Чингисхана - сказать трудно.

А Тюменским ханством (столица Чимги-Тура - на месте современной Тюмени) правили шибаниды - потомки Шибана. В конце XV века татарские князья из рода тайбугидов убивают хана. Они основывают свое ханство на Иртыше, столицей которого стал город Искер (Сибир, Кашлык), расположенный на высоком прибрежном иртышском холме, километрах в двадцати южнее нынешнего Тобольска. Главным ориентиром для купцов и воинов, с какой бы стороны и куда бы они ни двигались, служила речка Сибирка. Отсюда Сибирское ханство. Река, перед впадением в Иртыш, опоясывала Искер почти сплошным кругом, создавая естественную водную преграду. Крутые берега Сибирки достигают высоты в 50-70 метров. Оставшиеся в Чимги-Туре шибаниды враждовали с тайбугидами, земли-то Сибирское ханство у Тюменского оттяпало порядочно, но против укрепленного самой природой города поделаться ничего не могли.

Затем начинаются и вовсе бурные события. Очередной правитель Тюменского ханства, шибанид Муртаза, был вынужден отказаться от трона в пользу более сильных противников. Оставлен в живых. Отбывает к родственникам. Произошло это примерно в 1515 году. Постепенно влияние Тюменского ханства уменьшается, и оно исчезает с политической карты Сибири. Лет через 35-40 Муртаза со своими потомками, среди которых находится Кучум, возвращается из Бухары и при поддержке ногайцев открывает боевые действия за власть на берегах Иртыша и Ишима. Есть еще одна версия о судьбе Тюменского ханства. Она более грустная, потому мне нравится меньше: хан погибает в междоусобной борьбе, а его земли входят в состав Сибирского ханства.

Омский журналист Виктор Гоношилов, совершивший несколько длительных одиночных путешествий, готовит к изданию книгу «О Сибири своими словами». В нее войдут рассказы о краях, где побывал журналист, о людях, с которыми общался. Наша газета публикует одну из глав будущей книги - «В краю нехоженных дорог». Она посвящена той части пути Ермака, что была связана с территорией нынешней Омской области.

Тайбугиды самый сильный и главный противник Муртазы. А тайбугидам приходится не просто. По правилам той эпохи они имели меньше оснований на ханство, чем шибаниды - потомки Чингисхана. В родословной тайбугидов есть прорехи, которые не позволяют бесспорно утверждать, что они тоже потомки монгольских ханов. Скорее все же местные татары. Я, правда, не понимаю, почему это плохо, однако по традициям тех далеких веков уровень их власти - не выше племенных князей.

В 1555 году князь сибирских татар Едигер обращается за помощью к Ивану Грозному. За заступничество согласен признать свое подданство и платить дань. Грозный не отказал. И Сибирь вошла, подчеркиваю, по собственной воле вошла, в состав Руси.

Лукавили обе стороны: Едигер платил мизерную дань по сравнению с договором, для отвода глаз, а Иван Грозный, в свою очередь, войско в Сибирь на помощь татарам не посылал.

В 1563 году талантливый полководец Кучум, внук Муртазы, захватывает Искер, а через год официально провозглашается правителем Сибирского ханства (согласно другим родословным, дедом Кучума мог быть Махмудек-хан или Ибрагим-хан, а Муртаза - отцом). Со своими бывшими соперниками из числа тайбугидов, включая Едигера, новый хан разделался по законам кровной мести - казнил публично. У власти продержался около 20 лет, мечом и хитростью расширять пределы ханства. Местным татарам, для которых оставался чужаком, доверял меньше, чем выходцам из Бухары и Ногайской орды. Причины понятны, они помогли ему завоевать ханский трон, они же составляли основу его личной гвардии.

Трижды за время своего правления Кучум просил у Бухары помощи в распространении ислама. Первые попытки исламизации Сибири относятся еще к концу XIV века, когда 366 шейхов (наставников) пришли на берега Иртыша в качестве миссионеров. Правда, описания их подвигов, с моей точки зрения, больше похожи на суровую легенду. При Кучуме трижды из Бухары прибывали проповедники. Особенно успешными были две последние миссии, поддержанные вооруженными отрядами. Ислам побеждал язычество. Шербети-шейх, он дважды посещал Сибирь, обошел местные кладбища и указал, где похоронены первые 366 проповедников, назвал их по именам. Во многих татарских селах их помнят до



Крепостные ворота Искера крепились на каменных основаниях. Возможно, этот камень, найденный на месте Искера, обломок старинного фундамента.

сегодняшнего дня, в честь поминовения режут барашков, места погребения - святые места - огораживаются.

Есть свой святой и у татар Малой Бичи. Роза Набиевна знает его имя: Бизляк-шейх (Пичук). Покоится он в березовой рощице местечка Еланского. Шейх обладал громадной внутренней силой, он даже злых джинов мог заставить совершать добрые дела.

ТЮМЕНСКИЕ ПРЕДЕЛЫ

Наутро мне требовалось покинуть Малую Бичу. Побежал в контору леспромпхоза отмечать командировочное удостоверение. Странное впечатление: леспромпхоз на боку лежит, а контора бурлит. И бдит.

- Мы вам на удостоверение печать ставить не будем, - заявила мне строгая дама.

- Почему?

- Езжайте в Большую Бичу, там сельская администрация - там и отметитесь.

- Это же другая деревня. Мне полдня терять, через час теплоход отходит.

- Поезжайте в Большую Бичу.

Что ты будешь делать! Бегу по улице, вижу какую-то вывеску, кажется, «ОПС». Заскакиваю в первый кабинет. Милые женщины.

- Красавицы, шлепните печать по командировке, - показываю редакционное удостоверение.

80 дороги настлали. Часть бревен наверху, часть ушла под мох на глубину 2-3 метра, прощупываются шестом. Где-то стоит медный котел метрового диаметра, а в нем растут три сосенки. Мои двухчасовые метания по селу в поисках знающих людей к успеху не привели. Мулла в больнице, директор школы - на покосе. Пролет полнейший. А я так надеялся на сокровища Кучума. Вечно у меня с финансами плохо. Устал. Деньги презирать можно, жить без них нельзя.

- У вас тут действительно стояла самая старая мечеть Сибири, которую первые шейхи ставили? - лезу с вопросами к мужику на улице.

- Не знаю. Когда старую ломали, нашли вроде бы записку. Там 1906 год указан.

До границы с Омской областью 17 километров. Заскакиваю в магазин за минералкой. Пустота прилавка ошеломляет: хлеб, спички, три вида вермишели.

- Вода - в соседнем магазине, в частном, у нас - государственный, - разъясняет продавщица.

В одном здании расположены два магазина! Один пуст, другой забит товарами. Парадокс. Из случайных бесед выясняется, что, хотя Тюменская область - богатейший регион, здесь, в Карагае, сельское хозяйство умерло.

Еду по плохенькой узкой дороге, по краям десятки гектаров нескошенной травы. Злюсь. Я - не дома. Все мне не нравится: покатая дорога, водилы, подрезающие путь, разновеликие километры - один за три минуты пройдешь, другой - за пять. В голову лезут нехорошие мысли - собью меня с моста и никто искать не сподобится. Тюменским милиционерам на омича наплевать и забыть, а омские скажут: «Там не наша территория. Мы его туда не посылали».

20 минут минуло, как я проехал километровый столбик с цифрой «4» (они идут по убывающей к границе области). Одолеваю сомнения. Столбики слева, а раньше шли справа. Вдруг заблудился. Наконец-то появляется обтесанное бревнышко с цифрой «1».

Ура, дома! Господи, как у нас хорошо! Спеленные березки пахнут запаханным банным веничком, распустившиеся цветы - медом. Дорога ровная и широкая. Малиновые кустики рядками и россыпью по краям трассы раскиданы. И километровые столбики стоят правильно - слева! Как они вообще там живут, в этой Тюменской области? У нас один воздух чего стоит.

Не шучу, именно так я чувствовал себя у первого километрового столбика омской дороги. Я был дома!

Виктор ГОНОШИЛОВ
Фото автора

Продолжение в следующем номере).

УСТЬ-ИШИМСКИЕ ВСТРЕЧИ

На территории нынешней Омской области Ермак до определенной степени оказался случайно. Летом 1585 года ему сообщили, что Кучум, партизанящий по берегам Иртыша, задержал караван бухарских купцов. Пробыв три года в Сибири, ермаковцы основательно пообносились, соскучились по разным лакомствам, вороха пушнина пропадали даром. Опять же представители русского царя. За благосостояние местных жителей в ответе. У тех тоже пушнина без дела гниет.



чения российской власти на сибирских просторах, татары обратились с просьбой к местному воеводе, чтобы поставил у села небольшую крепость с гарнизоном. Отряды конных степняков нападали. Солдат воевода прислал, прокорм им жители поставляли с собственных подворий. А селение получило второе название: Тебендинский острог.

Тебендя (с 1472 г.) - достаточно крупное село. В местной школе учится больше 100 учеников. Их родители ведут свободный образ жизни, так как общественное хозяйство распалось. Пища - с собственных подворий, наличные деньги - за счет продажи леса, готовых срубов, ягод и рыбы. Фермерство не привилось. Население деревни, несмотря на единичную форму хозяйствования, обнищавшим или оголодавшим не выглядит. Кто-то доволен, кто-то нет.

В КРАЮ НЕХОЖЕННЫХ ДОРОГ

Взяв сотню бойцов, Ермак отправился вверх по Иртышу. Отряд плыл в стругах. По пути - миром или войной - приводил в российское подданство жителей деревень, расположенных по берегам реки. В местечке, где сейчас расположена деревенька Ишаирская (Тюменская область), как гласит услышанное мной в Малой Биче предание, казачий священник крестил двух девочек, видимо, двойняшек. Их отец крещению дочерей не противился - попробуй попротривься, если сотня вооруженных мужиков у деревни лагерем стала! В дальнейшем судьба крещеных татарок не баловала - их никто не брал замуж. Молва о событиях времен давно минувших утверждает, что отец сознательно лишил их семейного счастья, дабы христианская кровь не смешивалась с мусульманской. Женщины одинокими дожили до глубокой старости, а после смерти их похоронили вне кладбища.

В Усть-Ишимском районе я слышал еще одну легенду, крайне похожую на предыдущую. Только речь в ней шла о двух сестрах-язычницах, которые, не желая принимать мусульманство, обрекли себя на безбрачие. Умерли в начале XX века. Через день или два плавания после проведенных крестин, а может, и того больше (дневник никто не вел), казаки увидели селение Саургаш-аул. Сейчас селение носит название Саургачи, расположено на территории нашей области в 20 километрах от границы с Тюменской. Казаки хотели по-хорошему урегулировать недоразумение, возникшее с изменением государственно-правовой ситуации: Саргачик, прежний правитель татар, места обитания которых примыкают к устью реки Ишима, захвачен в плен Кучумом, сам Кучум в бегах. Как людям-то жить без присмотра? Местный староста от компромисса отказался, понадеялся на храбрость и смекалку воинов собственной деревни. Саргачики, подданные князя Саргачика, всегда отличались особой воинственностью. И в сегодняшней народной молве татар нет-нет да и услышишь слова о сильном характере саургачинцев. Однако в 1585 году огнестрельное оружие уже побеждало самый сильный характер. После короткой стычки селяне признали верховенство казаков.

Я, совершенно безоружный в Саургачи въехал на велосипеде в девять вечера. Сразу же начал приставать к деревенским с расспросами (в очень вежливой форме), знают ли они, что свое название село, скорее всего, получило от имени хана ишимских татар Саргачика, который считал себя по происхождению выше Кучума - потомка Чингисхана. Население настолько уважало (или боялось?) своего правителя, что поголовно называло себя саргачиками.

Современные саургачинцы, попадавшие на моем пути, ничего о том не ведали. Но советы, у кого можно узнать подробности, давали. Так я попал в дом Харилы Абухалимовича Мухамеда. Мы с ним подробно поговорили о сегодняшней

Омский журналист Виктор Гоношилов, совершивший несколько длительных одиночных путешествий, готовит к изданию книгу «О Сибири своими словами». В нее войдут рассказы о краях, где побывал журналист, о людях, с которыми общался. Наша газета публикует одну из глав будущей книги - «В краю нехоженных дорог». Она посвящена той части пути Ермака, что была связана с территорией нынешней Омской области. Поход журналиста по ней состоялся летом 1998 года.

политической обстановке в России, о падении нравов - даже здесь, в деревне, надо скотные дворы на замок закрывать, иначе утром живности недосчитаешься, пьянство процветает.

- Когда же люди по-человечески жить начнут? - погоревали мы на пару.

Подробностями из прошлого села 70-летний Харил Абухалимович меня не обогатил, он бы и рад рассказать, да ничего в памяти не сохранилось.

- А святые места - могилы первых мусульманских проповедников на Иртыше - рядом с деревней есть?

- Есть. Слушай. Даже имена у них были. Забыл. Одно святое место огорожено, оно у дороги. Ты ехал мимо, видел. Вторая могила далеко. Поэтому не огорожена.

Заскочил я и к местному педагогу. Дама угостила меня сытным ужином, но духовной пищей не побаловала.

- Очень давно стоял на берегу Иртыша красивый город. А народ почему-то переехал жить сюда. Так образовались Саургачи.

Я слушал ее и видел, как трансформировались предания о столице Ишимского ханства Кызыл-Туре, основанной ханом Он-Сомом в XII или XIII веке у места впадения Ишима в Иртыш. Являлся ли Саргачик потомком Он-Сомы или его родословная идет из других корней - вопрос, пожалуй, без ответа. Из любопытных данных нельзя не отметить, что Он-Сомы некоторые летописцы именовали Иван-ханом.

Ночевать я остановился напротив деревни в прибрежной зоне Иртыша. Часам к 12 ночи натянул палатку. Вместе со мной внутри проникли тысячи комаров, вернее, комарих, ведь именно они сосут кровь. Хорошие комары в Усть-Ишимском районе - крупные. Прокусывают сквозь джинсы. И это не преувеличение. Применение репеллентов несколько охладило сосательный рефлекс насекомых, но полностью не погасило. Три-четыре комара в минуту, преодолев отвращение к химии, все равно клевали меня. Сперва я чуть не капитулировал: «Сосите, сволочи, кровушку - всю не высосете», потом одумался. Принялся шевелить мозгами. Не зря. Свалил палатку, завернулся в нее, как в плащ, оставив небольшую дырочку для носа, и заснул. Но не сразу, ибо мою душу долго терзал сильнейший страх. Причина имелась.

Перед выездом в велопутешествие знакомые и родственники наперебой высказывали опасения:

- В такое бандитское время, когда убивают за бутылку водки, ты собрался в поход! В одиночку! Не подумал, - намекали мне на худшее, - всякое может случиться.

Запугали до последней степени. Я даже оставил политическое завещание: «Всем, кто знал меня, уважал и ненавидел! В случае моей преждевременной кончины с первого по девятый поминальный день завещаю сделать все то, в чем покойный мало преуспел при жизни, но очень любил: пить, курить, крутить романы, петь и плясать; на десятый день опохмелиться и больше усопшего не вспоминать».

Потому-то я заснул не сразу, пристально, насколько мог, вглядывался в темноту. Громадное количество подозрительных теней мелькало перед глазами, а зельки - от шуршания листьев до треска ветвей - все относилось к опасным. Человек, к счастью, способен жить без страха, а без сна - нет. Я уснул. Проснулся живым и мокрым: палатка влагу не пропускала - весь мой пот скопился в складках синтетики.

Купался в одежде - надо же смыть пот и кровь от раздавленных комаров. Недоумевал, зачем Ермаку понадобилось приставать к берегу напротив Саургачей - прибрежная полоса метров на 30 представлена полужидким илом - сплошная топь. Как в атаку-то шли?

МИР ЛУЧШЕ ВОЙНЫ

Отметившись в Саургачах, Ермак поплыл в сторону городка Тебендя (нынче село Большая Тебендя - километров 15 по трассе от Саургачей). Казаки гребли споро, подустали, проголодались. Князь Елыгей, потомок хана Саргачика, судьбу не испытывал - принес собольи шкурки, еду для казаков, атаману подарил свою дочь, руки которой добывался сын Кучума. Пушнину и продукты Ермак принял, от юной татарки отказался. Взял то, что нужнее.

Объяснение почтительности к Ермаку со стороны Елыгея заключалось не только в страхе, но и в чувстве родовой мести к Кучуму. Кучума татары вряд ли любили: пришлый, насильно проводил исламизацию, завоевывая новые территории, казнил непокорных местных князей. Правда, не думаю, что и к Ермаку татары испытывали нежную любовь. Тоже чужак. Создалась ситуация безвластия, подобная существовавшей в Гражданскую, когда мелкие отряды аполитичных мужиков брали на вооружение лозунг: «Бей красных, пока не побелеют. Бей белых, пока не покраснеют». Князья татарских деревень понимали: и Кучуму, и Ермаку не до них. И вели себя соответственно.

Слово «Тебендя» образовано из двух: «тиб», «инде». В вольном переводе: «быо сейчас». Лошади зимой, добывая себе прокорм, сбивали копытами снег до травы - тибендевали. В свое время, после упро-

- Жаль, раньше мы Горбачева не рассмотрели, - говорит 47-летний Абдельхатим Кабуров, прежний председатель колхоза им. Фрунзе, - а то бы... - и он крепко сжимает кулак.

Мадина Ниязова когда-то в родной школе преподавала историю, сейчас с мужем живет в Салехарде, в Тебендю приехала в отпуск. Мы с ней обсуждали проблемы в преподавании татарского языка. Мне непонятно, почему в Усть-Ишимском районе прохладное отношение к родному языку, - его не преподают в большинстве татарских деревень.

- До семидесятых изучали татарский язык - литературный язык казанских татар. Отменили. Обоснование простое: русский язык - государственный язык, его одного народу хватит. В разгар перестройки происходил подъем национального самосознания, учителя из татарских деревень требовали возобновить преподавание. Учителя из Тебенди отмалчивались, - вспоминает Мадина Аброхиновна. - Нас упрекали, что мы со времен Ермака не изменились - такие же покорные. Дело не в покорности.

Многие сибирские татары язык казанских татар воспринимают как иностранный, разница-то существенная - в Сибири формировался свой язык. Здесь почти в каждой деревне сложился собственный диалект, но мы понимаем друг друга без труда. По произношению могу угадать, откуда мой собеседник родом, пусть вижу его первый раз.

- В Салехарде сейчас практикуется возрождение языковой культуры - нашей сибирской культуры! Я сама веду такой курс в школе. Мы разработали собственную программу для обучения детей, - в разговор вступила Венера, сестра Мадины, - нашему, а не казанскому, языку. Родители хотят, чтобы дети знали родной язык.

- Понимаете, есть еще одна сложность - психология восприятия, - это снова Мадина, - первокласснику легче усвоить немецкий или английский язык, чем татарский, мало похожий на родной-татарский. Тем, кто постарше, объяснить легче.

В Саургачах, когда я удивился отсутствию среди школьных предметов татарского языка, мне популярно объяснили, что деревенские сами веками сохраняли свой язык и дальше сохранять его намерены. В школах выгоднее учить русский - дети поедут поступать в учебные заведения Тобольска, Тары и Омска, а не Казани. Ребятам и без того трудно даются школьные премудрости.

...После угощения, а в татарских селах до сих пор считается неприличным отпустить приезжего ненакормленным, я прошелся по Большой Тебенде ее главной центральной улицей. По ней же в июле 1585 года, чтоб избежать боя, спешил князь Елыгей с дарами для казаков. Навстречу ему от иртышского берега со своей дружиной шагал Ермак. Переговоры завершились обоюдными заверениями в мире и общим праздничным ужином.

Виктор ГОНОШИЛОВ

Фото автора

(Продолжение в следующем номере.)

СИЛЬНЫЕ ДУХОМ

Я ехал по территории Усть-Ишимского района мимо полей бывшего колхоза имени Фрунзе, на них раньше трудились татары из Большой Тебенди. Заросли сорняками. Помню, как радовался, когда пересек границу Тюменской и Омской областей: первая деревня области - Загваздино - в округе поля засеяны, стоят стога. Заметно: работают люди. Здесь же запустение. Взгрустнулось.

Засинелся указатель - Новая Деревня. Смешно: деревня «новая», а все дома вдоль улицы старые и безлюдные. Жилой - всего один. Подъезжаю. Пара собак бросается в атаку. Меня от растерзания спасает хозяин - Пахом.



другого, из местных татар, при случае помогли казакам. А то как пять сотен казаков сумели бы совладать с армией целого государства? Основой для быстрой победы Ермака стала помощь сибирских татар, не смирившихся с властью чужеродного хана. К сожалению, ни ученые, ни краеведы в такие тонкости обычно не вникают, записывая чуть ли не поголовно жителей Сибири конца шестнадцатого века в противники Москвы. А вот сами русские, пришедшие в Сибирь, обстановку знали намного лучше сегодняшних историков. Гуманностью отличались и терпимостью, о чем не принято среди ученых упоминать в своих трудах. Родовые деревни прииртышских татар, независимо от того, относились они к племени доморожденных сибиряков или бухарцев, до сих пор стоят на своих местах, если эти места оказались под властью Москвы. Но чем южнее от города Тары вдоль Иртыша, где власть Москвы уменьшалась с каждым километром, тем реже стоят татарские селения. История этой части Омского При-

В КРАЮ НЕХОЖЕННЫХ ДОРОГ

- Прозвище у меня такое. Под ним меня и милиция знает, и начальство разное. Рыбачат здесь, до Иртыша рукой подать - 30 метров. Вообще-то я - Анатолий Николаевич Рыбьяков, с пятидесятого года. 15 лет здесь вдвоем с женой обитаем. Если не врать, мы - сожителю, не зарегистрированные. У Валентины муж умер, моя на мотоцикле разбилась, вместе с сыном. Остались мы по одиночке. Сошлись.

- С голодухи не умираете, - подначиваю его.

- Как тут с голоду умрешь, - удивляется он, - лес вокруг, Иртыш - вот он. С деньгами сильно припечет - коня продам. Меньше пяти не держу. О сене никакой заботы - друзей полрайона, подмога есть.



Приняв вовнутрь литр поднесенного Валентиной молока, откланиваюсь. Снова ноги на педали. Вижу пилораму. Знакомлюсь с усть-ишимским «новым русским» - 43-летним Николаем Мерзляковым. Фермер. Сразу же пробую выжать из него слезу.

- Тяжелое время настало.

В ответ жду жалоб на судьбу. Не на того попал!

- Почему тяжелое? Нормальное.

- Отчего же плач кругом?

- Думать разучились, в чем и вся беда.

Раньше я бригадиром был. Сколько попрошу горючки - столько привезут. Сколько в наряды напишу - столько денег и выдадут. Никого не интересовало, зачем мне горючка, дорого ли она стоит, так ли уж нужны работы, которые я по нарядам провел. А сейчас сколько продам - столько же и куплю, не больше. Мужики не пили бы, крутились - жили бы. Не в золоте бы, конечно, купались, но жили бы сносно.

- И бардака бы не было?

- Без бардака в России нельзя. Видел: сотни гектаров травой заросли? А у меня поле в другом месте, на бездорожье. Хочу обменять. Тр-у-дно! На судьбу, не жди, все равно не пообихуешь. Она у каждого своя, по собственной воле и силе.

Полдесятого вечера - до Усть-Ишима 16 километров. Последние. Даются с большим трудом. Футболка и джинсы покрыты грязью, как броней. Это пыль, которую расворяет пот. Дорога без асфальта, пылевые

Омский журналист Виктор Гоношилов, совершивший несколько длительных одиночных путешествий, готовит к изданию книгу «О Сибири своими словами». В нее войдут рассказы о краях, где побывал журналист, о людях, с которыми общался. Наша газета публикует одну из глав будущей книги - «В краю нехоженных дорог». Она посвящена той части пути Ермака, что была связана с территорией нынешней Омской области. Поход журналиста по ней состоялся летом 1998 года.

облака от проходящих мимо машин принимаю на себя. Дневная жара - за тридцать. За день выпиваю четыре полторашки минералки. Жидкость покидает тело через потовые железы, почки почти не напрягаются. Малиновых кустов по краям дороги много, маня зрелыми ягодами - не соблазняюсь. На кончиках пальцев слой соли, поэтому малинка, отправляемая в рот, очень солона. Лучше уж совсем ею не баловаться.

Отдохнуть негде: большак. По краям вырыты канавы, перебираться через них сложно, да и незачем. Лес, болота чаще полей примыкают к дороге. Присядешь на сваленную лесину, достанешь печенье - сам откусить не успеешь, а пять букашек жрут его с обратного конца. Полчища каких-то козявок повзводно и поротно по тебе гуляют. Комарье и слепни - те вообще блаженствуют. Пока едешь - ни одна сволочь на тебя не сядет. Остановился - весь в насекомых. Трижды в день, если не забываю, ем йодантипирин - специальный препарат от клещевого энцефалита: в последний день перед путешествием случайно узнал о нем, купил в обычной аптеке.

Через каждые 15-20 километров приходится доставить коробку с ключами и ремонтировать технику - обычный советский велосипед марки «Урал». То заднее колесо расшатывается, то переднее люфтит, летят багажные крепления.

- Что же ты, дружище, такой нестойкий, - упрекаю двухколесного приятеля.

- А ты бы австрийский велик с малым диаметром колеса и 12 скоростями купил. Хотел же, - огрызается он (или от жары мерещится). - Австрияк бы тебе по нашим дорогам без асфальта поехал бы. Километров 10. Да и сам ты хорош: 95 кг на 170 сантиметров, и ведь вес-то не в мышцах - в животе. Еще сумки на полцентнера тянут. Я же не грузовик.

Кстати, не всегда мне удается ехать на велосипеде, часа полтора на пути между Саургачами и Большой Тебендей он на мне отыгрывался - я его вел: попался участок дороги с таким толстым слоем пыли, что колеса просто вязли.

Двенадцатый час ночи. Вторгаюсь в гостиницу Усть-Ишима. Велосипед, невзирая на робкий протест дежурной, тащу с собой в номер.

- Или мы с ним в одном номере, или я совсем у вас жить не буду.

Дама уступает - постояльцев-то мало.

УСТЬ-ИШИМСКАЯ ЗАРИСОВКА

Ермак со товарищи в июле 1585 года к устью Ишима приплыл, надо думать, тоже позднехонько, точно так же, как в июле 1998-

го я подъехал сюда на велосипеде. Только тогда гостиницу построить еще не успели, хотя где-то рядом располагалась столица Ишимского ханства, в которой раньше жил хан Саргачик. Казаки улеглись ночевать на «стрелке» - уголке между берегами Иртыша и Ишима. После радушного приема в Тебенде их боевой дух погас, бдительность потеряли. Ночью отряд татар, сняв часового, напал на лагерь сонных казаков. Те спростонья, не успев зарядить пищали, отбивались врукопашную. Ермак в бою потерял пятерых воинов. Причины схватки, ее последствия представляются делом весьма загадочным. О тех пяти казаках, как отметит позже великий сибирский летописец Семен Ремезов (1642-1720), татары пели с плачем. С плачем? Зачем же тогда нападали?

Сегодня, в ноябре 2013 года, мне думается, могу ответить на мною же заданный вопрос в июле 1998-го. Кучум, бухарский аристократ, в своем продвижении к власти над Сибирью, видимо, использовал сибирских бухарцев. Бухарцы - бывшие подданные Бухары. В качестве рабов и воинов они сопровождали торговые караваны в Сибирь. Кого-то купцы в наших краях обманом оставляли, им, чтоб доставить в Бухару пушнину, не требовалось столько рабочих рук, сколько было занято при перевозке из Бухары ширпотреба: кинжалов, кувшинов, зеркал и тому подобного. А кто-то из-за болезни или по своей воле от караванов отставал: простора много, в женщинах дефицита не наблюдается, а в Бухаре их, распроданных по гаремам, для рядовых труженников не хватало, треть мужиков злыми от одиночества ходило. Бывшие караванщики женились на татарках, обзаводились семьями. Так в Прииртышье сформировались две этнические группы: местные татары и татары-бухарцы. Кучум, скорее всего, используя национальные чувства земляков, разжег в Сибири гражданскую войну. Потому он так долго, в течение почти двух десятков лет, не мог совладать с местными князьями, плохо организованными и не имевшими ни агрессивности в характере, ни сильной армии под рукой. Если бы Кучум для завоевания власти действительно, как принято считать, использовал большое число опытных в военном отношении наемников из Бухары и Ногайской орды, то он бы за год добился победы. Ему ж на дорогу к ханскому трону понадобились долгие годы. По той же причине, гражданская война - всегда внутреннее дело, в свару не вмешивались ни Бухара, ни Москва. При правлении Кучума в Сибирском ханстве сложились два противостоящих друг другу лагеря. Представители одного, сторонники хана, воевали с казаками, представители

иртышья с начала XVII века в течение полутора веков отличалась особой бурностью. Где-то иртышские берега совсем не знали мира, чуть ли не каждое лето подвергаясь набегам кочевников, где-то находились под суровой властью западных монголов, известных также под названием «джунгары».

Усть-Ишимский острог, то есть небольшая крепость, на месте слияния двух крупных сибирских рек как сторожевой пункт появился в 1631 году. Первыми постройками были часовенка и изба казачьего атамана. Примерно в этих же местах сейчас расположены кирпичная церковь и здание районной администрации. Дань среди местного населения собиралась пушнина с лука - охотника от 15 до 50 лет.

В начале 20-х нынешнего столетия в Усть-Ишимском уезде вспыхнул бунт против коммунистов. Восставшие убили одного человека, появившиеся части Красной Армии расстреляли не менее 50 жителей окрестных деревень. Больше здесь не бунтовали.

Сейчас в Усть-Ишимском районе проживает около двадцати тысяч человек. В центре много машин, коммерческих киосков и жалоб на остановившееся производство.

- Товар не залеживается, - говорит продавщица небольшого павильончика. - И все плачет, что денег нет, - удивленно продолжает она.

На улицах села много не только машин, но и красивых девушек - стройноногих пышечек. Приезжие мужчины дружно отмечают обилие сексапильных молодых дам, коих сразу в таком количестве нигде больше в Омской области не наблюдается.

Женщины в возрасте - грузноваты, имеют в большинстве своем выдающийся вперед животик. Мужчины же, как правило, без животиков, одеты в «пластиковые» штаны типа «Адидас» (стоимость в местных магазинах - 30-35 рублей).

Самая больная точка - пьянство. Вера Федоровна Куликова, медсестра районной больницы, довольно четко определяет причины социального зла.

- Мужчины в возрасте 40-45 потеряли себя. За прошедшие пять лет их трудовые навыки, обретенные еще при социализме, стали не нужны, а торговать считают делом постыдным. Лишние люди. Жены в них разочаровались - разводятся. Бывшие кормильцы семей уходят в запой. Женщинам терпения бы набраться - лет через 5-10 или обстановка в стране изменится, или мужчины утихомирятся. К 50 годам они все успокаиваются.

Дорогая Вера Федоровна, примите в моем лице от всей мужской половины России искреннюю благодарность за точный анализ нашего душевного состояния и сострадание к нам. Спасибо! Жаль только, что Вы, кажется, единственная такая понимающая осталась на всю страну.

Виктор ГОНОШИЛОВ

Фото автора

(Продолжение в следующем номере).

ЭБАРГУЛЬ - СЕЛО СЮРПРИЗОВ

Из Усть-Ишима, чтобы попасть на трассу, необходимо переправиться на пароме через Ишим, мост пока еще строится. На пароме автобус, грузовики с сеном, лесом. У перил разговаривают две женщины:

- На веранде висит градусник, показывает 39 градусов. Это - в тени. Сколько же на солнце?

- Если вода не кипит, значит, меньше ста, - шутит вторая. Тут же начинает запугивать, - по радио передавали: двое человек умерли от солнечного удара, четверо лежат в больнице.



возделывании хоть в Мурманской области способен расти. В Омской области тоже проводились эксперименты по его акклиматизации. Он? А кто знает? Волдыри же на руках я получил за пренебрежительное отношение к родной природе - не Амазония, мол, на яд кураре не наткнешься. Зато налетел на фурукумарины, содержащиеся в соке борщевиков: попав на кожу, при дневном свете они вызывают химические ожоги.

ИЛЬЧЕБАГА: ИСПОЛНЕНИЕ МЕЧТЫ

Миновал село Ярково, со смешанным русско-татарским населением, попадаешь в чисто татарскую деревню Ильчебага. Ермак ее игнорировал. Я - нет.

Три года подряд несколько дней из своего законного отпуска посвящаю поискам священных татарских камней. Говорят,

В КРАЮ НЕХОЖЕННЫХ ДОРОГ

Километры даются с трудом. От жары рябит в глазах. Минералку применяю и внутрь, и снаружи. Ругаю любительницу радиопередач, встреченную на пароме. Сколько проехал и не думал о солнечном ударе, а теперь вот напомнили, он в мыслях колом стоит. Тут упадешь - поднять некому, машина раз в час проходит.

Вода закончилась - подыхаю от жажды. Знаю: жизнь вообще есть медленное умирание, но лучше это делать в комфорте. Вижу спасение: мужики сено мечут. Воды для питья не пожалели и про запас дали. Спасибо, други.

Появляется указатель - Эбаргуль. Сюда Ермак не заглядывал, у меня тоже особой нужды нет. Решил заскочить на минутку: «Посмотрю на могилу наложниц, помяну их добрым словом. И рвану дальше».

Тем, кто не читал предыдущие номера «К-Э», поясню: после первых поражений в боях с Ермаком от сибирского хана Кучума сбежали 300 наложниц. Думаю, правильно сделали: в мирное-то время в девках состаришься, пока до тебя ханская очередь дойдет. В военное - и вовсе... Хан за беглянками послал конников. У деревни Малая Бича (наша область!) воины Кучума настигли их и большинство убили. Но с полсотни татарок прорвались и ушли вверх по Иртышу. Километров через сто с гаком, у Эбаркуля, кучумовцы снова настигли беглянок. Пощады ни одна не дождалась. Я надеялся найти братскую могилу погибших юных женщин.

Первые расспросы на улицах деревни ни к чему не привели. Я не отчаивался. Привык. Через час-два поисков, не раньше, выходящий на знакомого и разговорчивого селянина. В Эбаргуле на такого наткнулся случайно: ехал по берегу Иртыша и встретил дедушку - Искандара Айдаровича Муратова. Он меня во все тонкости посвятил.

- Девчата вон там, - он показывает на противоположный обрывистый берег Иртыша, - сражались. Отбились. Ушли в сторону Никольска, там и погибли.

Мне становится грустно, Никольск в обратной стороне, и вообще в стороне от моего маршрута, возвращаться - время терять. Вдруг соображаю: нет худа без добра. Сообщение Искандара Айдаровича наводит на некоторые размышления. Коли о наложницах так широко известно и через четыре с половиной столетия, следовательно что-то похожее в ставке Кучума происходило.

- Про девчат, я тебе не скажу, чьи они были, - продолжает Искандар Муратов, - а про Кучума старики говорили, это он названия деревням давал. Есть у нас деревня Утускун, «тридцать дней» по-русски. Кучум тридцатый день Ермака гонял, когда проходил мимо, потому и деревню так назвал.

Что ж, спасибо дедушке. Он своими словами подтверждает историческую реальность последнего броска Ермака к реке Усть-Шиш нынешнего Знаменского района. Приходилось читать о сомнениях, был ли тот поход на самом деле.

У многих татарских деревень два названия. Одно - для внутреннего употребления, как сказал бы хохол, «для сэбэ», второе - официальное - для русских и

Омский журналист Виктор Гоношилов, совершивший несколько длительных одиночных путешествий, готовит к изданию книгу «О Сибири своими словами». В нее войдут рассказы о краях, где побывал журналист, о людях, с которыми общался. Наша газета публикует одну из глав будущей книги - «В краю нехоженных дорог». Она посвящена той части пути Ермака, что была связана с территорией нынешней Омской области. Поход журналиста по ней состоялся летом 1998 года.

картографов, оно обычно и написано на придорожных указателях. Для местных жителей Эбаргуль - Синэр (или Эхсинэр) - по имени исламского святого, могила которого, как убеждены местные жители, находится на огромном холме противоположного берега Иртыша. Истинно татарские названия вековые, первоначальные, идут с первых лет основания селения. О причинах появления вторых я беседовал с пожилыми татарами, и мы пришли к общему мнению. Название деревни русскими давалось по имени местного князя или купца.

- Эх, лосятинки бы попробовать, - вздыхает какой-нибудь казак.

- А поехали к Эбаргулю, - предлагает второй.

Эбаргуль да Эбаргуль, так и закрепилось название среди русских, его потом на карты и перенесли. Так ошибались не только русские.

Один из подобных казусов связан и с нашим городом. Ты покупаешь билет в Павлодаре (Республика Казахстан) и немеешь от неожиданности: пункт назначения, до которого продан билет, оказывается, не Омск, а селение Омбы, видимо, местный аул. Ошибочка вышла. Но тебе весело объясняют, что ошибки нет:

- Омбы и есть Омск.

- Как же так, - начинаешь спорить ты, - во всем мире известно, что Омск - это Омск. Наш миллионный город так указан не только на наших, российских, но и на английских, и на французских, и на американских картах.

- У нас Казахстан. Нам американцы не указ. Мы не глупее.

Омбы, как я установил, покопавшись в старых книгах, - это имя одного из джунгарских князей степного Прииртышья. А казахи со своими соседями джунгарами постоянно или воевали, или торговали. Поэтому не трудно предположить, как закрепилось название. Группируется, скажем, вооруженный отряд молодежи на краю аула, а тут аксакал:

- Куда собралась, джигиты, - спрашивает он парубков.

- На Омбы, - отвечают ему.

Дедушке сразу все понятно: на север хлопцы направляются. Случайно или нет, но «Омбы» созвучно казахскому слову «омба», которое на русский переводится как «сугроб». Некоторые казахи даже уверены, что округа Омска некогда принадлежала их предкам. Хотя и не хочется этого делать, но должен разочаровать их. Здесь в обозримом прошлом обитали только два народа: барабинские татары да джунгары. Потом русские пришли, которые свои крепости основали еще при джунгарах. А следом за русскими кто только в наших омских краях не побывал. Все народы и не упомнишь.

Эбаргуль припас для меня еще один сюрприз. У кладбища неожиданно наткнулся на джунгли из гигантского укропа - такое ощущение у меня вызвали заросли высоченной травы. Представьте себе рощицу из трехметровых стеблей. Как бы вы себя чувствовали?

Решил провести ботанические исследования. Вытащил нож и стал пилить пятисантиметровый в диаметре стебель.

- Не лезь, - предупредил внутренний голос.

- Перестраховщик, - презрительно отбрил его я, обтирая руки от обильного сока. Понятно, почему растение высокое такое. Запасает много влаги, ему никакая засуха не страшна, растет постоянно.

Через сутки на руках появились крупные волдыри, как от ожогов. К счастью, не очень болезненные. Эбаргульцы о диковинных растениях знали мало: детям с ними играть нельзя - сыпь на коже вылезает. Рощица существует с давних времен, в других местах ничего подобного не видели, названия растения не знают. Всю дорогу до Омска я приглядывался к подлескам: похожие зонтичные встречались, но ростом не вышли - сантиметров по 70-80 всего.

Уже в Омске, проведя день в «Пушкинке», выяснил, что у Эбаргуля заросли представлены растениями из рода борщевиков (из них раньше борщи варили). Несколько видов гигантских борщевиков, среди которых всадник на лошади запросто спрячется, есть на Камчатке и Кавказе. Среди них встречается особо неприхотливый - борщевик Сосновского, при культурном (!)



здесь лежит один. В болотистой древней Сибири булжники из прочных горных пород были большой редкостью. Найденный камень сразу становился местной святыней, талисманом племени. Держали его на кладбище. У камня просили счастливой семейной жизни, удачливой охоты, дождя в засуху. Много он не требовал - достаточно было погладить, пошевелить или перевернуть (к дождю) (более полно о священных камнях сибирских татар написано в книге В. В. Гоношилова «Омская область: удивительная и прекрасная». - Прим. редакции).

Такой камешек я и искал. На нынешний год у меня было несколько адресов. Некоторые принесли разочарование: приехал, а там пусто. До одного села добраться не смог, далеко, оно у меня числилось в резервных, если предпоследняя надежда - Ильчебага - обманет.

Сибирские татары развлекались ссыльными и переселенцами из Казани. Здесь своей, особый, язык, сложившийся из двух диалектов. Проблемы выбора: нужно преподавание татарского литературного языка в школах или нет, не стоит. Надо, надо и еще раз - надо. Село помнит свое историческое название - Куртэ. Налим в переводе на русский. Не удивительно - Иртыш у последних домов главной улицы плещется.

80-летний мулла Шакир Чимальтинович Шайдулин на прямой вопрос о камне ответить однозначно не смог:

- Старое кладбище, где он лежал, Иртышом смывается. Камень, наверное, утонул. На новом кладбище я его не видел.

- Придется на обоих искать, - я не собирался отступать.

- Трава, слушай, большая - не найдешь. Было где-то около девяти вечера, когда я зашел на «новое» кладбище - ему лет сорок уже. Не полагаясь на случай, решил прочесывать могилки порядно, прощупывая пальцами каждый сантиметр травяного покрова. Мне даже не было известно, как этот камень выглядел, знал со слов деревенских, что он «такой большой и синеватый». Смирился с необходимостью ночевать на кладбище. Страшно. А что прикажете делать?

Через полчаса поисков забрел в закуток между тремя могилами. Вижу, лежит, родимый: синий, тусклый, ближе к серому. Я не ждал сияния вокруг него, но предполагал, что он все-таки поярче. Было небольшое разочарование его неброским внешним видом.

Размеры: сантиметров 40 в длину и 30 в высоту, вес - около 50 кг. С одного края лишайником оброс, грани от частого поглаживания стертые. Много он, видимо, добра раньше людям делал. Теперь народ на себя надеется, забыла деревня про камушек. Я у него ничего не просил.

- Спасибо, милый, что открылся. Мне от тебя ничего другого не надо, - сказал и любовно погладил.

Виктор ГОНОШИЛОВ
Фото автора

(Продолжение в следующем номере).

КУЛАРЫ

Первое село от границы с Усть-Ишимским районом звучит вполне по-татарски - Ураш, однако русское. На молоканке, где, объясняя специально для горожан, из молока производят сливки и обрат, выясняется, что я въехал на своем велосипеде не просто в другой район, а в другой экономический регион. В отличие от татарских сел из единоличников Усть-Ишимского района, расположенных вдоль трассы, в деревнях Тевризского общественное хозяйство в форме акционерных обществ сохранилось. Мало того, в Ураше даже выдают зарплату.

- Мы колхозом живем, потому что русские, - с гордостью объяснил мужчина в синей футболке, подавая наполненные водой полуторалитровые баллоны.

«Еще неизвестно, за кем историческая правда», - я ему это не сказал, я ему это подумал. Пообщавшись полторы недели с татарами, я себя уже больше татарин, чем русским, ощущал. Гены! Известно, поскреби любого русского и найдешь татарина, а поскреби сильнее и найдешь еврея. И так до окончания списка национальностей Российской Федерации.



Я бы свою багажную сумку с большим удовольствием поменял на такую пассажирку. Но и предлагать не стал. Кто ж согласится.

ловики - индивидуалисты. Они привыкли больше полагаться на себя. Переставали в колхозе или совхозе деньги за работу платить - забирали с общего двора без всяких предупреждений и разрешений в счет зарплаты скот, технику и уходили в частную жизнь. Добытки неплохие, а вот торговцы, кажется, не очень.

ЗВЕЗДА СЕВЕРНОГО БИЗНЕСА

Во время путешествия по северным районам области трудно не обратить внимание на обилие магазинов под вывеской: «Петровский». По этой причине нельзя было не заехать в село Петрово.

- Где тут у вас размещается главный бизнесмен? - чуть развязно спросил я у первого попавшегося паренька.

- Владимир Николаевич Коваленко? В конторе, там, где пекарня.

Я остолбенел. Обычно, когда спрашиваешь в деревне, как найти путь к дому того или иного селянина, тебе отвечают достаточно просто: «Коваленко, что ли? Этот-то? Живет там-то».

Без всяких имен-отчеств. Здесь иначе. То ли Коваленко так всех запугал, то ли действительно его уважают? Вопрос для меня и сейчас без ответа.

Второй повод для удивления был связан с внешним видом местного населения. Женщины - красавицы, а мужики выглядели бомжеватого.

В КРАЮ НЕХОЖЕННЫХ ДОРОГ

После Ураша, часика через два-три езды на двухколесной машине, уже имел удовольствие общаться с братьями по мироощущению - татарами Куларов - одной из пяти деревень, входящих в АО «Нива».

Поначалу я вел себя скованно. Побавившись национализмом. Кулары являются гордостью сибирских татар - единственный населенный пункт на территории Западной Сибири, который не покорился Ермаку. Пять июльских дней 1585 года казаки атаковали кучумовскую крепость Кулары и все пять дней откатывались назад. «Черт с ними, - сказал Ермак о противниках. - Впереди нас ждет бухарский караван с товарами, мы же тут неизвестно ради чего застряли. Возвращаться будем, тогда окончательно и разберемся».

В чем секрет успеха Куларов в противостоянии с Ермаком? Кулары были самым южным военным укреплением Сибирского ханства. Еще с эпохи сибирских русских летописцев принято считать, что крепость возводилась в качестве форпоста против калмыков, то есть западных монголов. Я обычно раболепствую перед авторитетом первых сибирских интеллектуалов, но только не в дискуссии о Куларах. От Куларов до западных монголов лежало не меньше тысячи километров. Напрямую, по азимуту: по тайге и степям. На кой монголам, одолевая сотни и тысячи верст, выходить непременно к крепостенке в таежных дебрях. На мой взгляд, крепость Кучумом ставилась как противодействие в случае волнений среди покоренных сибирских татар. Обычное дело в тактике завоевателей. А также для охраны главного торгового пути Сибири - Иртыша. Из кого формируется состав таких отдаленных крепостей? Во все времена и во всех государствах на дальние заставы посылают сорвиголов и наиболее строптивых умников. Кулары вряд ли служили исключением. По силе духа гарнизон не уступал казакам. И, скорее всего, состоял из ногайцев и бухарских воинов. Короче говоря, нашла коса на камень.

Не исключено, что Кучум тоже находился среди защитников крепости. Надо же ему было где-то жить. А где еще, как не среди бойцов надежной крепости. С ним ведь кочевали жены и дети. Государственная казна под рукой находилась.

Потому-то я неуютно чувствовал себя, въезжая в Кулары. А вдруг тот дух противостояния по отношению к русским передается местным татарам.

Опасения оказались напрасными. Здесь даже, что является исключением для татарских деревень, обосновалось несколько русских семей.

Омский журналист Виктор Гоношилов, совершивший несколько длительных одиночных путешествий, готовит к изданию книгу «О Сибири своими словами». В нее войдут рассказы о краях, где побывал журналист, о людях, с которыми общался. Наша газета публикует одну из глав будущей книги - «В краю нехоженных дорог». Она посвящена той части пути Ермака, что была связана с территорией нынешней Омской области. Поход журналиста по ней состоялся летом 1998 года.

- Про Ермака-то по телевизору передавали, - говорит пожилая местная жительница Асия Фаттахова, - а про Кучума я ничего не слышала.

Село выделяется чередой названий. Сегодняшнее - Кулары - известно со времен Ермака. Но есть еще одно, возможно, самое древнее название - Эйрэ, что в переводе означает «сильное течение».

По мнению 72-летней Софии Мухармовны Назыровой, Кулары - деревня исключительно сибирских татар без примеси татар из переселенцев и ссыльных, русские же в ней появились совсем недавно.

Есть святое место - остана. Кто похоронен - неизвестно, но люди, видимо, приличные. Расположено на старом кладбище. Там нельзя пасти скот, пить водку, курить табак и материться.

- А на новом кладбище материться можно? - не удерживаюсь от вопроса.

- И на новом нельзя. А на старом нельзя совсем. Или оживеешь, или парализует.

Теперь бы Ермак, пожалуй, не стал атаковать Кулары. Иртыш, поменяв русло, отодвинулся километров на пять в сторону. Бывшее ложе реки разбилось на несколько озер.

Очередной раз слышу версию о том, что село прежде стояло на противоположном берегу Иртыша. Об этом, к слову, мне рассказывают в каждой татарской деревне. Были специально отведенные места для зимних стойбищ с землянками и для летних - с юртами. Приходилось испытывать страшное разочарование: считаешь, что идешь по исторической земле, а на самом деле - историческая почва где-то за Иртышом. Но чем больше я слышал историй о сезонных переселениях, чем больше задавал уточняющих вопросов, тем больше успокаивался. Сибирские татары - народ полукочевой - имели по несколько стоянок на территории, контролируемой жителями того или иного племени (улуса). Поэтому на каком берегу Иртыша - правом или левом - встретили Ермака татары из конкретной деревни, нынче установить практически невозможно. Поэтому если есть у меня данные, что древние Кулары Ермак взять не сумел, то я, шагая по нынешним Куларам, без всякого зазрения совести ощущаю удовольствие от причастности к истории.

В этих краях умеют и любят привечать гостя, особенно если он - журналист «Омского вестника», самой популярной на селе газеты. В Куларах меня сытно покормила уже упоминавшаяся София Мухармовна. Тут же находились ее взрослые племянники - помогали управиться с сенокосом. Настроение мужчин не назовешь веселым. Безденежье заело. В акционерном обществе плата за работу производится мукой или комбикормом. И нечасто. Живут в лесу, но без дров: вывезти не на чем - для тракторов горючего нет. С дровами тот, у кого есть лошадь. Хотя и лошадиным нужны приличные деньги. Пока съездишь в район, выкупишь билет на лес, то да се - 500-700 рублей как не бывало. Без малого стоимость коровы.

В татарских деревнях Усть-Ишимского района, где управляются уже единоличным хозяйством, жизнью тоже не хвалились, но такой безысходности, как тут, я не ощущал. Там люди надеются на себя, здесь - на чудо. Там все, что можно взять от окружающей природы - от стерляди до леса, идет на продажу. Природные дары усть-ишимские татары берут не всегда законным путем. Я их за то не осуждаю. Сперва государство загоняло мужиков в общие лодки, называемые колхозами, убеждая, что учиться плавать ни к чему, к светлому будущему доставят на судне. Затем то же государство выбросило их за борт, мол, лишь тот достоин светлого будущего, кто самостоятельно выплывет. И не надо вину сваливать на отдельных политических деятелей от Ленина до Ельцина: правители приходят и уходят, а государство остается. Оно, начиная со времени крещения Руси, за все в ответе. Сегодня у России одна главная задача: сделать все возможное, чтобы люди не вымерли. Спасает браконьерство народ - пусть будет. Минуют тяжкие годы - стерлядку и лес заново разведем.

Отмечаю, слушая рассказчиков во время своих встреч, что татарские коллективные хозяйства разваливались первыми по сравнению с русскими. И вовсе не из-за неумения татар работать: сейчас же их с ложечки не кормят. Национальный менталитет иной, чем у русских. Мы - общинники по натуре. А татары - скотоводы и промыс-

Капиталист номер один северных районов области предстал передо мной обаятельнейшим человеком. Причину собственных удач определяет так:

- Я всегда делаю то, что советует правительство, только тщательно. Горбачев провозгласил курс на хозрасчет - совхоз «Тевризский», которым я руководил в то время, сразу же ввел его. Такой пример: мы доярке платили живыми деньгами за каждый килограмм молока, а она уже сама платила скотникам, кто сколько заработал. Позже мы совхоз превратили в ассоциацию крестьянских хозяйств - у своих же механизаторов закупили зерно. По урожайности били все рекорды. Мужики решили: раз они так успешно могут работать на совхоз, почему бы им так же не работать на себя. Подались в фермеры. Из сорока на плаву сейчас держатся четверо, все по науке: лишь 10 процентов людей способно вести самостоятельное дело. Одни в выпивку ударились, другие изменения на рынке спрогнозировать не смогли. Тут, в Петрово, возникло акционерное общество «Петровское». Контрольный пакет акций у меня. Очень удобно, я не боюсь, что меня снимут, а во вред себе работать не стану. Безработицы в селе нет. Хлеб продаем всей округе, открыли сеть магазинов, построили спиртогонный завод, выпускаем водку, назвали ее «Губернаторской». Цех резьбы по дереву работает в три смены. Продаем в город, фирмы наши панно берут для оформления офисов.

- Работают везде, но зарплату не везде выдают, - намекаю я.

- Расплачиваемся с задержкой в одну-две недели. Сами понимаете, приемлемо.

- В соседних селах и без зарплаты мужики пьют, у вас же, наверное, вовсе запиваются?

- Пьянство мы пока не искоренили, но поубавили. В нашем акционерном обществе работающие мужчины написали доверенности на своих жен, теперь они получают их зарплату. Трое, не скрою, держатся, доверенности не пишут, хоть и получают зарплату на неделю позже основной массы.

Мы с Коваленко проговорили долго. Он стал для меня как бы идеалом русского предпринимателя. Милейший собеседник, на любой каверзный вопрос отвечает с улыбкой. И все же в одном я с ним не согласен: нельзя зарплату мужей передавать в руки жен, у них же потом рубль взять труднее, чем город Берлин. Если же сам в руках деньги не удержишь, то вроде и работать смысла нет.

Виктор ГОНОШИЛОВ

Фото автора

(Продолжение в следующем номере).



На буровой.

находившегося с незапамятных времен до двадцатых годов двадцатого века на берегу Иртыша. По размерам он, как писал сибирский летописец Ремезов, с крытый зимний воз багрового цвета. Потом метеорит исчез. Появилась научная гипотеза, что хитрые татары, дабы уберечь святыню от русских, раздробили валун и спрятали в потаенных местах. Так же считают и татары-патриоты из соседних деревень. В реальности все произошло гораздо прозаичнее. Берег, где лежал метеорит, подмыло водой, и небесный гость ухнул в мутные волны Иртыша. По нему никто не переживал: метеорит считался святыней у древних татар-язычников, для татар-мусульман XX столетия он не представляет культовой ценности. Сейчас его искать бесполезно. Багровый цвет метеорита указывал на железную руду в составе. Соржавел и уплыл по течению реки красными песчинками.

Ермак пристал к берегу напротив Ташеткан, думается, как раз из-за метеорита. Встреча гостей и местного населения прошла дружно, хотя тут осело много воевавших в прошлом против русской дружины. Казаки и бывшие их противники плотно пообедали, сходили на экскурсию к метеориту. Ермак, как каждый, кто посещал Сибирь, знал о существовании здесь огромной золотой бабы - тотема - символа божества одного из племен. Предводитель русской дружины, существует такая версия, настойчиво искал ее, иначе чем можно объяснить его интерес к ритуальным, священным для татар, камням. Говорят, что атаман любил их рассматривать. Метеорит,

Колпаков, председатель тузаклинского колхоза «Красный луч», половину своего огромного «крестового» дома отдал под контуры и клуб.

А Гоношиловские сплошь бессловесные работяги. Не в кайф командовать, не Колпаковы мы. Но и не хуже. Из нашего рода на Великую Отечественную войну ушло двенадцать человек, и, судя по всему, в атаку они поднимались не в числе последних, так как домой вернулись всего двое.

Но самая знаменитая в Тузаклах фамилия все же не у Гоношиловых или Колпаковых, а у Агалаковых. Их род явил России самую строптивую ее святыню - чудотворную Великоорецкую икону святителя Николая. Начало той истории лежит в 1383 году. Крестьянин Семен Агалаков из деревни Крутицы Вятского края нашел однажды в лесу на берегу реки Великой православный образ. Отсюда и название иконы - Великоорецкая. Потянулся большой люд к Агалаковым. Кто помолится перед иконой, тот выздоровеет. Она столь широко прославилась, что ею освящали закладку собора Василия Блаженного. Но явственнее всего ее сила проявилась в годы повсеместного атеизма. В честь чудотворной иконы испокон веков совершался шестидневный крестный ход. В советское время по маршруту богомолья милиционеры устраивали засады, ловили православных, били, кого-то с должностей снимали, кого-то в тюрьму сажали. А толку? Наступал июнь, вешали наши братья по вере старинные образа на грудь и лесными тропами, влажными приречными лугами

В КРАЮ НЕХОЖЕННЫХ ДОРОГ

Омский журналист Виктор Гоношилов, совершивший несколько длительных одиночных путешествий, готовит к изданию книгу «О Сибири своими словами». В нее войдут рассказы о краях, где побывал журналист, о людях, с которыми общался. Наша газета публикует одну из глав будущей книги - «В краю нехоженных дорог». Она посвящена той части пути Ермака, что была связана с территорией нынешней Омской области. Велопроход журналиста по ней состоялся летом 1998 года.

(Продолжение. Начало в №44 (1990) от 6 ноября 2013 г.)

В ГОСТЯХ У БУРОВИКОВ

Несколько часов я гостил у рабочих на буровой рядом с деревней Полуяновкой. Бодрые мужики. Вахтовики. Жены дома. Я явился в переходный для них период от хорошего к огорчительному. Хотели они двойной подарок области преподнести, открыть два месторождения разом: газовое и нефтяное. Газ нашли, а чтобы найти нефть, вышку придется передвигать на другое место. Нефть есть, точнехонько в залежи попасть сложно.

На буровой тряска, гарь, грохот: с громким ревом несколько мощных дизельных электростанций дают ток для оборудования. Я свой велосипед, от греха подальше, у самого крайнего вагончика прислонил. А то растрясет.

Свинчивающиеся 35-метровые трубы трехкилометровым стержнем, вращаясь, уходят вниз. На конце передней - бур. Сейчас он идет через гранит, сформировавшийся миллионы лет назад. В трубы закачивается промысловый раствор из специальной глины. Выходя обратно на поверхность земли трубами, он выносит шлам, частички породы, уменьшает трение. До плановой отметки остаются считанные метры. Уже ясно: нефти здесь нет. Но намеченной глубины достичь необходимо - а вдруг.

На буровой большинство мужчин из тех, кто всю свою сознательную жизнь провел на вахтах в поисках газа и нефти. Они с удовольствием рассказывают о пережитом. Слушаю их с интересом. Но душой меня тянет к женщинам. На кухню. Свидетельству: одна котлета буровика равна шести-восьми городским. И из чистого мяса. Хорошо насыщает.

- Поди, наевшись таких котлет, мужчины становятся прилипчивыми? - спрашиваю у кухонного персонала.

В ответ - ироничный смех. Судя по нему, буровики морально устойчивы не

меньше, чем мы, русские путешественники. Меня почему-то охватывает не гордость за мужское сообщество, а обида. Сами, имею в виду женщин, скорее всего, отошлют, потом издеваться начинают, мол, не мужики вокруг, а рохли одни. Не первый день на свете живем - знаем. Ну как бы там ни было, за вкусные котлеты все равно спасибо.

В Тевризской администрации, несмотря на мой пыльно-потный вид, верят на слово, что я журналист «Омского вестника», и без дополнительных просьб отсылают факсом статью в редакцию. Я расчувствовался чуть не до слез. Самое трудное в моем путешествии не материал собрать, не ночью одному на окраине леса в палатке ночевать. Самое трудное и нервное - донести написанную статью из моего таежного далека до редакции.

Все, текст коллегам отправил. Теперь снова в путь. Грунтовок - кранты, от Тевриза начинается асфальт. Здорово! Велосипед катится сам собой. Очередная ночевка в лесу. Все знаю наперед. Сначала нападут комары, затем - страх, будут слышаться шаги, неясные голоса. Конечно, надо бы показать себя читателю героем, ну, чего нет, того нет. Трудно найти мужчину трусливее, чем я, когда остаюсь наедине с женщиной или ночью в палатке под таежной сосной. А сельские собеседники, не зная всей правды, восхищаются моей смелостью: «В одиночку, в такую-то даль». Народ вводит меня в курс местных криминальных событий: одного парня изнасиловали, второго в Иртыше утопили, девке голову пробрили - к ночи я уже напичкан страшилками по макушку и выше. Укладываюсь спать в позиции «будь готов к труду и обороне». Левая рука сжимает баллончик с антикомариным репеллентом, правая - топор. Топор - лучшее снотворное в ночном лесу.

ЕРМАК И МЕТЕОРИТ

Очередное историческое село по маршруту - Ташетканы. Село знаменито своим названием, оно получено от метеорита («ташьоткан» - «камень лежит»),

выглядевший обычной каменной глыбой, его не заинтересовал. Как свидетельствует местная ташетканская легенда, шаманы, сопровождавшие Ермака, посоветовали воителю возвращаться назад к Тоболу, в Искер, иначе - смерть. О том им дала знать каменная баба. Атаман пророчество оставил без внимания.

Русские поплыли дальше, к устью реки Шиш (территория нынешнего Знаменского района). Через несколько дней дружина Ермака, так и не найдя следов каравана из Бухары, возвращалась уже обратно. Казаки снова заскочили в Ташетканы погостевать. Кто-то из селян сообщил атаману о бухарских караванщиках, которые дожидаются помощи у берегов реки Вагая (территория нынешней Тюменской области). Атаман почему-то не заподозрил подвоха. А должен был насторожиться. Не могла его дружина по пути в Усть-Шиштамак разминуться с караваном. Другой-то дороги, кроме как по Иртышу, нет. Казаки, чтобы скорее добраться до заветной реки, гнали струги день и ночь. На Вагае их ждал, как выяснилось позже, не караван, а Кучум с воинами в засаде.

ТУЗАКЛЫ

Следующая моя остановка в деревне Тузаклы. Там меня ждет жаркая баня, мягкая постель с белыми простынями и подпитка истощившихся финансов. В деревню въезжаю около одиннадцати вечера. Пока поезда приготовленный мамой ужин, а я дома, Тузаклы - моя малая родина, отец успевает сходить пару раз за водой (хотя по воду у нас только бабы ходят). Речка течет почти под самыми окнами. Летят в печку бани сухие мелкие березовые полешки. Полчаса, и каменка накалена докрасна.

Тузаклы, по аналогии с сосенной татарской деревней Тайчи, обычно принимают за татарский. А тут одни славяне. Наш гоношиловский род когда-то конкурировал с родом Колпаковых за право считаться основателем поселения. Те и другие прибыли в 1886 году из Котельничского уезда Вятской губернии. Колпаковы были самыми грамотными и самыми богатыми из тузаклинцев. И самыми большими сторонниками социализма. Основатель сибирской линии Колпаковых, Яков Иванович, погиб в боях против белых. Пятеро его сыновей стали первыми руководителями коллективных хозяйств и сельских советов в Знаменском районе. Ефим

с высокой травой проходили святой путь. Считается, что Великоорецкий единственный крестный ход, не знавший ни одного года перерыва даже в самые суровые времена борьбы с религией. Вот такие мы, вятские. Землю копытом не роем, но если рогом упремся, хоть кол на голове теши.

Тузаклы свое имя получили по речке Тузаклинке, на берегах которой и поднялись деревенские улицы. На дореволюционных картах указано иное название: Тузаялик. Но правильное, скорее всего, сегодняшнее. В деревне в годы моей юности еще жили старики, родившиеся задолго до октябрьского переворота, никто из них никогда не упоминал о Тузаклинке. Когда-то я увлекался расшифровкой названия. В зависимости от схожести с тем или иным словом из тюркского или финно-угорского языков получил три значения: плетеный из прутьев короб для рыбы, раствор соли (для засолки) и хорошая (прозрачная) вода. Последнее точно отпадает. Вода в нашей речке из железистого болота - коричневая. Болотцем пахнет, зато мягкая. Мыться - просто удовольствие.

В километре от деревни есть еще одна Тузаклинка. Старухи на своих посиделках часто о ней вспоминают.

- Ну, бабы, хошь не хошь, а к Тузаклинке пора собираться.

На правом берегу той речки кладбище. Его основал дед Филипп, двоюродный брат моего деда. Говорили ему, не хорони первым, род вымрет. Старик настоял на своем и для кого-то из умерших родственников на крутом речном берегу устроил вечный приют. Прожил Филипп жизнь долгую, и внуки живы.

Почему же тузаклинцы выступали против основания нового кладбища, если на общее волостное по 15 километров покойников возить приходилось? Русские - народ общинный, в его традициях всячески препятствовать раздору. Новое кладбище - всегда потеря связей. А старое - место встреч и единения. Мы, бывшие тузаклинцы, по дурости покинувшие свой край, только дважды в год имеем возможность собраться все вместе и вспомнить добром прошлое. На кладбище. В родительский день и на Троицу. Вроде бы и место грустное, и даты не для веселья, а душа от скопившейся тяжести освобождается.

Виктор ГОНОШИЛОВ

Фото автора

(Продолжение в следующем номере)

ПОСЛЕДНЯЯ ПОБЕДА

Отдохнув сутки у родителей в Тузаклах, с сеном надо было им помочь, я отправляюсь пешком в Усть-Шиш (Знаменский район). Поселок лежит в двенадцати километрах в сторону от трассы Омск-Тевриз. Велосипед оставляю в родовом поместье. Через Иртыш надо переправляться. На лодке. Кто ж меня с велосипедом возьмет.

В наши дни Усть-Шиш, а стоит он у места впадения в Иртыш таежной речки Шиш, населен славянами. А в 1585 году, когда в наших местах появился Ермак, в нем обитали татары. И назывался он иначе - Шиш-Тамак. «Тамак» - «устье» в переводе с татарского. В Шиш-Тамаке к концу июля 1585 года собралось множество военного люда татарской национальности - остатки сборной армии Кучума, ее деморализованная часть: бывшие рыбаки, охотники, пастухи. Профессионалы-военные -



На кожухе турбины бывшей гидроэлектростанции не только хорошо загорать, но и вид отсюда открывается прекрасный.

Омский журналист Виктор Гоношилов, совершивший несколько длительных одиночных путешествий, готовит к изданию книгу «О Сибири своими словами». В нее войдут рассказы о краях, где побывал журналист, о людях, с которыми общался. Наша газета публикует одну из глав будущей книги - «В краю нехоженных дорог». Она посвящена той части пути Ермака, что была связана с территорией нынешней Омской области. Велопоход журналиста по ней состоялся летом 1998 года.

В КРАЮ НЕХОЖЕННЫХ ДОРОГ

ядро кучумовской гвардии - оставались верны своему предводителю и следовали за ним. Вчерашние враги Ермака, уставшие скрываться, сдались на милость победителя. Шиш-Тамак казаки взяли без боя, хотя сопротивление ожидалось. Ермак, увидев отоцавших противников, приказал кашеварам накормить их. Ясак, то есть налог шкурками соболя, собирать не стал - нечего. Шиштамаковцы про богатый купеческий караван бухарцев, разыскиваемый казаками, толком ничего не знали.

«Возвращаемся», - приказал Ермак. Приближалась осень, продолжать плыть вверх по Иртышу смысла не было. Струги тронулись вниз по течению реки. Казаки радовались: закончилась изнуряющая гребля - быстрая река сама несла неказистые суда. Семь-десять дней пути оставалось до гибели Ермака у реки Вагая. Имя атамана после смерти обрастет легендами, войдет в русские баллады и стихи, а также в народные татарские песни и сказания.

Во второй половине XIX века Шиш-Тамак прекратит свое существование. Из-за частых разливов Иртыша татары покинут это место. Часть жителей, следуя за мусульманскими миссионерами из Бухары, образуют деревню Тайчи Тевризского района, другая часть жителей заложит Усть-Тамак Знаменского района. Место у устья Шиша некоторое время оставалось свободным. Кому-то из проезжавшего мимо тарского начальства оно приглянулось. Вскоре появилось поселение каторжан - Усть-Шиш. Сюда направили партию арестантов, которые выкопали три пруда. Один, большой, для благородной рыбы - осетра и стерляди, два поменьше - для всяких там шук и карасей. Летом подневольный люд ловил в Иртыше рыбу, в лодках-садках по специально вырытым каналам привозил ее в пруды, где она круглый год, живая, дожидалась приказа на доставку в Тару. Два пруда сохранились до наших дней. В большом, где держали стерлядь, местные мужики ставят сети, ловят карасей. Глубина три метра - зимой не промерзает. Второй пруд пуст, зарастает травой.

С 69-летним Филиппом Сергеевичем Татауровым где на лодке, где пешком обшарили все уголья бывшего Шиш-Тамака. Филипп Сергеевич, в прошлом директор местной школы, буквально болен историей своего села (почетный житель Знаменского района, отличник народного просвещения Ф.С. Татауров скончался 16 марта 2013 года. - Прим. редакции).

Из свидетельств исторического далека сейчас можно найти лишь навозные пятна метров по 250 в длину. Их четыре

на территории теперешнего Усть-Шиша. Загоны для скота веками стояли на одних и тех же местах - отходы пищеварения коров и лошадей подняли почву выше среднего уровня. Картошка на них растет крупная, но невкусная. На одном из навозных пятен кто-то умудрился вырыть колодец - водица под стать картошке, пить не хочется.

Четыре навозных пятна говорят о том, что здесь стояло всего четыре стада, и ими, естественно, все дезертиры от Кучума, собравшиеся в Шиш-Тамаке перед приходом Ермака, прокормиться не могли. Потому-то и отоцали.

Современное население Усть-Шиша занято в основном заготовкой древесины. Одно время производственная активность замирала полностью, сейчас вроде бы набирает обороты (не слезить бы!)

- Виктор Васильевич, - обращается с просьбой Филипп Сергеевич, - напишите про нашу библиотеку. Ютится в полуразрушенном здании, водяное отопление обрезано. Библиотекарь зимой домашним электрокалорифером обогревается. А читателей с каждым годом становится все больше. Я считаю, так и укажите, что это идеологическая диверсия - кому-то очень хочется русский народ сделать безграмотным быдлом.

Я, кроме головоуятия, других происков враждебных сил не увидел, но написать все равно пообещал - не зря ж за демократию боролись.

УПЛЫВШАЯ ЭЛЕКТРИФИКАЦИЯ

Возвращаюсь из Усть-Шиша в Тузаклы. Отсыпаясь на родительских пещинах. А утром - опять дорога. До села Кондрашино.

В послевоенные годы в Знаменском районе была принята на вооружение весьма смелая программа электрификации. Взгляд спецов по электричеству упал на две крупные реки - Ошу и Большой Аёв, за сотню километров протяженности каждая, сливающиеся у деревни Кондрашино. Решили поставить здесь межколхозную гидроэлектростанцию.

Года три-четыре шла постройка плотины. По берегам рек выпиливался лес и сплавлялся к стройке века, где его вылавливали, пилили. Рубили из бревен деревянные клетки полтора на полтора метра. Сдвигали в несколько рядов, засыпали землей. Трамбовали. Работа кипела круглый год. Зимой подрывники рвали мерзлый грунт, который сельская молодежь на санях везла к запруде. В упряжках наряду с лошадьми ходили и быки. Для ускорения стройки к Кондрашино пригнали заключенных. Охраняли

их не шибко строго, женская половина деревни, лишившаяся в войну мужской ласки, вздохнула несколько свободнее. И все же ни один из заключенных после окончания срока в Кондрашино не остался. Такова она, мужская верность. Кобели!

План электрификации, даже задним числом мы это способны отметить, отличался продуманностью. К моменту пуска турбины добрая треть района была связана проводами электролиний.

Крупнейшую в области гидроэлектростанцию пустили в 1952 году. Открытие предприятия прошло красиво и празднично: с митингом, с награждениями. Плотина дала течь в первые же дни. Постоянно обнаруживались новые промояны, которые устранялись нехитрой операцией - засыпкой землей.

- Не меньше двух лет у нас был электрический свет, - вспоминает жительница села Александра Опупова, участница строительства ГЭС, - потом пришла сильно полноводная весна, и деревянная плотина вся уплыла в Иртыш. Мужики много леса в тот год в речке выловили.

От ГЭС остался лишь бетонный кожух для турбины. Его высота метров пять-шесть. У многих народов мира есть тесты на мужество для подростков: например, прожить месяц в лесу без оружия или нанести болезненную татуировку. В Кондрашино таким тестом для мальчишек является прыжок в речку с верхней части кожуха. Прыгнул, значит, нормальный пацан, нет... - ну, нет. Я бы прыгать не стал. Мелко. Шею сломаешь. Девчонки же на вершине кожуха просто загорают. Хорошо тут. Высоко. Комаров нет, ветром сдувает. Все-таки какая-никакая, а польза от бывшей гидроэлектростанции осталась.

Следующий пункт моей дороги - деревня Слобода.

ЛЕГЕНДА СЛОБОДЫ

Существует множество имен, которые знает каждый русский. Больше всех повезло правителям России: царям и генеральным секретарям. Заними по популярности идут писатели и поэты, затем ученые. Меньше всего в этом отношении пострадало спортсменов далекого прошлого - в памяти народной сохранилось имя всего одного из них - Ивана Поддубного (1871-1949 гг.). А что мы о нем знаем? Мало. Мужик здоровый был, боролся классно. Он за сорок лет выступлений не проиграл ни одного соревнования. Кормил же его цирк, с которым гастролировал. А спарринг-партнером великого борца, о чем сегодня почти полностью и несправедливо забыто, вы-

ступал Федор Крестьянников, уроженец деревни Слободы Знаменского района. Какая кошка пробежала между нашим земляком и великим борцом - сейчас уже не установишь. В середине двадцатых Крестьянников появился в родной деревне. Женится. Колхозы принял как само собой разумеющееся. Подобно большинству сильных людей отличался редким добродушием. Если какой-нибудь остроязыкий мужик допекал его до последней точки кипения, бывший борец поступал незатейливо: снимал с говоруна шапку и, подняв за угол амбар, клал ее под бревна. Достоверно о Крестьянникове известно примерно столько же, сколько о Ермаке - был; когда же родился, умер и остались ли дети, не знает даже директор местного музея Тамара Костина, а уж она о Слободе знает, кажется, все.

Остались мифы: на спор, не отрываясь, богатырь из Слободы выпивал ведро браги, гнул по паре подков сразу. За один день угробил двух российских борцов. История сродни сказке о русских богатырях. В Шухово, деревне неподалеку от Слободы, приехали двое странствующих борцов, подрабатывающих выступлениями. Шуховцы, навзвив опилок, соорудили своеобразный манеж. На нем гастролеры

показывали приемы классической борьбы. Вызывали в круг местных силачей. Те выходили и проигрывали. Раззадорились мужики, послали гонца за Крестьянниковым. Тот себя долго упрямить не заставил. Приехал. В схватках поодиночке положил обоих гастролеров.

- Эх, измельчала Русь, - произнес он огорченно, - давайте в паре на меня.

Одного противника Крестьянников закинул на повесть (навес из жердей), второго, перебросив неудачно через себя, убил. Оставшийся в живых предложил состязание из другого жанра - йоги: кто дольше продержится без воздуха. Мужики заколотили гвоздями ящики, а в них находились борцы, и закопали на метровую глубину. Через полчаса их достали на свет божий. С Крестьянниковым отводились, а гастролер отдал Богу душу.

Кончил Крестьянников плохо. Однажды, подавая сноп в молотилку, он не уберечь руку - раздробило кисть. Болевой шок стал причиной помешательства. В особенно сильное буйство впадал после двух-трех рюмок спиртного - деревенские прятались от него, где могли. Переживал. Добровольно согласился на лечение в омской психбольнице. Ехал он на пароходе в сопровождении медиков. Капитан, узнав, кто его пассажир, решил побеседовать. В гости пришел с бутылкой. Разгром, учиненный бывшим борцом на пароходе, не поддается описанию. Капитан был вынужден застрелить его из пистолета. Труп команда выбросила за борт. Милиции же сообщили, что Крестьянников сам во время приступа прыгнул в Иртыш и исчез. Этой версией, в той или иной интерпретации, со мной поделились четверо жителей разных деревень Знаменского района, и я считаю ее близкой к действительности.

«Все-таки велосипедистом быть лучше, чем борцом», - думал я, подъезжая на двухколесной безмоторной машине к границе между Знаменским и Тарским районами.

Душа, когда оказался на территории Тарского района, невольно затрепетала. Как ни крути, если Тобольск - отец, то Тара - мать городов сибирских. Но информацией меня тут особо не побаловали. Местные жители готовились к празднованию Дня города. Не до приезжего журналиста. Я им надоедать не стал. Снова оседлал велосипед и тронулся. В смысле - по маршруту. В сторону паромной переправы через Иртыш. Через нее мой путь лежал к Седельниковскому району.

Виктор ГОНОШИЛОВ
Фото автора

(Продолжение в следующем номере.)

СЕДЕЛЬНИКОВО

Въезжаю на своем велосипеде в Седельниково. Девушки по улицам гуляют. Красивые!

Словосочетание «маленькая Швейцария» стало почти банальным, его часто произносят, чтобы подчеркнуть красоту природы того или иного места. А райцентр Седельниково называют маленькой Францией. Неофициальное название возникло в стародавние времена благодаря красоте и, добавляя мужчины, легкодоступности седельниковских женщин. Дамское население не протестует против импортного сравнения на предмет соблазнительности, в отношении же подтверждения расшатанности местных женских нравов просит привести доказательства, причем всекие: имена, фамилии, даты, фотографии. Голословное победное хвастовство мужчин не признается заслуживающим доверия. И я, немного знающий мужчин, поскольку давно



Омский журналист Виктор Гоношилов, совершивший несколько длительных одиночных путешествий, готовит к изданию книгу «О Сибири своими словами». В нее войдут рассказы о краях, где побывал журналист, о людях, с которыми общался. Наша газета публикует одну из глав будущей книги - «В краю нехоженных дорог». Она посвящена той части пути Ермака, что была связана с территорией нынешней Омской области. Велопоход журналиста по ней состоялся летом 1998 года.

В КРАЮ НЕХОЖЕННЫХ ДОРОГ

живу среди них, вынужден с дамами согласиться. Все наши рассказы о победах над женщинами надо умножать на два и делить на триста.

Кроме красоты местных женщин в Седельниковском районе есть достаточно много уникального, имеющего место быть только тут. О Покровке, единственной в России деревне, население которой, пройдя через множество лишений, в колхоз так и не вступило, я однажды уже писал.

Седельниково, кроме того, является родиной Артема Избышева, командира партизанского отряда, воевавшего против белых. И это тоже заслуживает внимания, ибо других партизан после Кучума на территории нашей области не замечено.

СИБИРСКИЕ ПАРТИЗАНЫ

Избышев родился 23 марта 1885 года в Седельниково, к тринадцати годам окончил трехклассную школу. Подобно тысячам сибирских крестьян пахал, сеял, работал на лесозаготовках. В годы Первой мировой войны призван в армию. Весной восемнадцатого вернулся домой. Считал себя большевиком.

Избран первым председателем Седельниковского волостного исполнительного комитета. Повластвовал недолго. В 1918-ом после Чехословацкого мятежа Омск обретает статус столицы Временного Сибирского правительства. Адмирал Колчак, получивший права диктатора, пытается проводить мобилизацию молодежи в армию, собирать налоги. Мобилизация и налоги никогда и никому не нравились. Артем Иванович организовал в единый отряд и возглавил недовольных политикой Колчака седельниковцев.

Антиправительственная вооруженная группировка из 30 человек разрастается до трехтысячного корпуса. Партизаны бедокурят всюду: реквизируют обозы, громят милицию, строят планы захвата Тары. Летом 1919 года на подавление партизанского движения направляются кадровые части белой армии. Плохо вооруженные, не знающие военного дела крестьянские отряды терпят поражение. Избышев, скрывавшийся в доме дяди в Седельниково, предпочел смерть плену - застрелился.

Это официальная версия жизни и смерти Избышева.

Мне приходилось слышать и иное о гибели партизанского командира. Скрывался он вроде бы у какого-то лавочника. И не кончал геройской жизнь самоубийством. Не успел. Белые его застрелили, едва узнав, кто пред ними. По сути, эта версия не сильно отличается от первой. Дядя Избышева запросто мог иметь не-

большой магазинчик, только согласно канонам советской исторической науки у красного командира не должно было быть родственников среди социально чуждых сельских элементов: попов и лавочников.

За годы Советской власти краеведами был установлен каждый партизан отряда.

- А что известно о тех, кто противостоял партизанам, от кого они скрывались в лесах? - спрашивает директор Седельниковского музея Елену Федоренко.

- О местных сторонниках белого движения ничего неизвестно, упоминаются лишь купцы Лоскутовы, вроде бы и указавшие дом, где находится Избышев. Какова их дальнейшая судьба - я не знаю. Вы же понимаете, до недавних лет сбор данных о врагах Избышева не приветствовался. Мягко говоря.

А мне же кажется, что все-таки фамилии не всех партизан известны сегодня. В Знаменском районе существовала деревня Кукса, которая считалась партизанской. А фамилии селян широко не озвучивались. Мужики на рожон не лезли. Белый карательный отряд, прибывший из Тары, отрывался на женщинах и подростках, представители сильного пола скрывались в тайге. Они, наверное, достойны осуждения, но надо помнить и другое: их-то бы не били, а просто расстреляли.

Допускаю, что мужики из Куксы тоже входили в соединение Артема Избышева. Хотя сейчас, когда стало можно сомневаться в официальных версиях советской эпохи, я думаю, не было единого партизанского соединения на севере нашей области. Население многонациональное, деревни, основанные по национальному принципу, разбросаны среди тайги и болот. Люди ершистые, любого комиссара, которого не сопровождает рота солдат с оружием в руках, прогнали бы взашей. И как связать держать? Телефонов нет, бездорожье.

Высказанная гипотеза родилась у меня в классе седьмом-восьмом, когда рассказы очевидцев о Гражданской войне еще были не в редкость. Кто хотел, тот слушал. Поэтому книги о подвигах красных партизан где-нибудь в Иркутской области брал в библиотеке с удовольствием, а про приключения своих не читал. Описание в книгах омских авторов сильно не сходилось с рассказами тех, кто своими глазами видел, как шла Гражданская война в том же Знаменском районе. Сейчас корю себя, что не записывал услышанных сюжетов, в памяти ведь почти ничего не осталось. Фамилии стерлись полностью. В свое оправдание скажу, что я понимал, записывать о страданиях белых и раскулаченных бесполезно, никто никогда не опубликует, а неприятности

лично у меня и родителей появятся. Даже в семидесятые годы, годы брежневской всетерпимости, фамилии особо часто жалующихся на местную власть вносились в специальные списки и передавались районному психиатру. Откуда знаю? Сорока на хвосте принесла, когда с одним врачом водку пил. Писать же о красных и вовсе смысла не видел - тонны книг о том стояли на библиотечных полках. А сейчас подлеем себя считаю (наш автор немного перебирает в критике себя. Ряд историй из событий гражданской войны и коллективизации на территории Знаменского района им изложены в форме сказов и опубликованы в книге «Лошади лучше людей». - Прим. редакции).

Продолжая тему партизанских отрядов, скажу, что, пожалуй, существовали отдельные деревни, где местные мужики игнорировали власть адмирала Колчака. Сколачивали группки, дабы удобнее было скрываться в лесах от мобилизации. Потом, как мне кажется, историки, задним числом, собрали всех «лесовиков» в большие партизанские соединения с целью показа широкого народного сопротивления колчаковскому режиму.

Только, послушав об Избышеве, вышел из музея - и опять продолжение темы. Я пытаюсь неподалеку от музея сфотографировать лиственницу, у которой белые расстреливали своих противников. Трудно кадр подобрать - деревья подругу загораживают, солнце не с той стороны светит. На тропинке показывается неброско одетый мужчина средних лет: сухощав, подвижен.

- Угости пивком, голова после вчерашнего... - он выразительно смотрит на банку пива в моей руке.

- Оно безалкогольное, - невольно огорчаю собеседника я.

- Чо вы все время эту лесину снимаете? Партизан здесь расстреливали? Правильно делали. Они же только по бабам мастерами считались да водку жрать. Я помню: дед рассказывал.

Мне на память сразу приходят кадры из старых фильмов. Белые занимают село, пьют самогонку, тянут девок в кусты. Недавно видел современный фильм о Гражданской войне: красные занимают село, пьют самогонку, тянут девок в кусты. Странно, что до сих пор остаются только две оценки: плохая - для врагов, хорошая - для своих, а враги и хорошие поменялись местами. Нам бы давно надо отрешиться от деления участников Гражданской войны на «своих» и «врагов». Каждый из них на свой манер представлял будущее России - вот за то будущее, а вовсе не против Родины, каждый и воевал.

В родословной любой русской семьи покопайся: там найдутся родственники

как со стороны белых, так и со стороны красных. У меня среди предков со стороны отца один до самого конца с Колчаком шел, а второй пленных колчаковцев в концлагере охранял. Под старость они любили вдвоем посидеть под самогонку, вспоминая минувшие дни. Со стороны матери одного из родственников в тюрьме держали, пытали, все ли отдал колхозу, а его внук сам ловил тех, кто в голодные годы нес впопыхах с колхозного тока котомку пшеницы, и отправлял на нары. Кого бы мы сейчас ни хаяли, белых или красных, мы хаим свой род. Хотя бы по этой причине пора уже протрезветь от ненависти.

В ЮРТО-УЙСКЕ ЕСТЬ О ЧЕМ ПОСЛУШАТЬ

А теперь от истории давайте вернемся к этнографии. Если, белых и красных, судя по кинокадрам, всегда тянет к двемкам, то меня - к татарам. Привык. Редкий день велосипед не заносит меня в татарскую деревню. В русскую въезжаю с большей опаской. В Седельниковском районе находится татарский поселок Юрто-Уйск. Как можно обойти? Сами татары называют его Уйя-Аул.

Уй - название реки, слово «аул», думаю, переводить не надо. На холме рядом с рекой и основались в 1865 году первые татары. Из охотников. Поскольку селение к старым не относится, то его история не так богата преданиями, как история поселений Усть-Ишимского и Тевризского районов. Однако и здесь есть о чем послушать. В Юрто-Уйске живет Герой Социалистического Труда Мансура Абдрахмановна Речапова. В 1939 году ее, шестнадцатилетнюю девочку, направили на курсы трактористов. Учеба давалась трудно - ведь она, кроме «здрави», других русских слов не знала, тонкости в работе двигателя постигала вместе с новым для себя языком.

Направляясь к ней в гости (кирпичный дом, кстати, ей построила новая, демократическая власть), опасался встретиться самоуверенную, важную бабушку. Мансура же Абдрахмановна оказалась женщиной приветливой. Раз пришел журналист с фотоаппаратом, значит, надо срочно приодеться поакрасивше. О жизни рассказывает просто. Замуж вышла, не раздумывая: «Приехала к подруге в гости. С парнем познакомилась. Ну и вышла».

Потом война. Мужа мобилизовали в трудовую армию. «Я домой уехала. Четыре месяца замужем была. У старшего брата, он - больной, потом умер, пятеро детей, их кормить надо. В сорок втором дочку родила, внуки есть. Замуж больше не выходила. А в семьдесят первом получила орден».

- За что же вам «Героя» дали?
- Не знаю, работала - и всё. Мужики-трактористы со мной рядом не любили пахать. Пока две-три нормы не выполню - домой не уходила.

Мансура Абдрахмановна постоянно что-то делает. Не усидит даже при госте. Поразило, что она без затруднений управляется с видеомагнитофоном, который у пожилых считается очень сложной техникой.

Теперь немного об юрто-уйском лукавстве. В центре села расположен обелиск павшим в боях Великой Отечественной войны. Он стандартен по исполнению, зато интересен по истории появления. Вот как о том рассказывает местный житель Юсуп Тимофеев:

- Стояла у нас старая мечеть. В ней красный уголок был. Сгорела. Стали мы думать, чем место занять. Дом построить? Так ведь жена с мужем будут ругаться, а место святое. Туалет тут же, скотина. Попросили в районе денег на памятник. Поставили, огородили. Сохранили святое место чистым.

Виктор ГОНОШИЛОВ
Фото автора

(Продолжение в следующем номере).



Мечеть в деревне Черталы - древнейшая на территории Омской области.

В КРАЮ НЕХОЖЕННЫХ ДОРОГ

Омский журналист Виктор Гоношилов, совершивший несколько длительных одиночных путешествий, готовит к изданию книгу «О Сибири своими словами». В нее войдут рассказы о краях, где побывал журналист, о людях, с которыми общался. Наша газета публикует одну из глав будущей книги - «В краю нехоженных дорог». Она посвящена той части пути Ермака, что была связана с территорией нынешней Омской области. Велопоход журналиста по ней состоялся летом 1998 года.

(Продолжение. Начало в №44 (990) от 6 ноября 2013 г.)

ПОЖАРНЫЙ ЖУРНАЛИСТА НЕ ОБИДИТ

Выкатив велосипед из седельниковской гостиницы, я устремился в Муромцево. Первый попавшийся на моем пути указатель оповещал: от Седельникова до Муромцева 73 километра. Метров через 200 стоял второй указатель - на нем до Муромцева значилось 71 км. Я в душе поблагодарил дорожников за приятный сюрприз - два километра скостили. Спасибо. До Муромцева двигался наперегонки с черной тучей. Иногда капал легкий дождик - кроссовки начинали соскальзывать с педалей. Не скоро я доехал до 71-километрового столбика. Муромцево отсутствовало. Еле-еле, уставший, в двенадцать ночи доскребся до 73-го. Ни дома, ни души. Понял: проскочил село. А вокруг молнии сверкают. Качусь медленнее, приглядываю подходящую поляночку. Вдруг огоньки показались. Муромцево! Господа дорожники, подсказываю: от Седельникова до Муромцева - 75 километров, исправьте цифры на указателях.

На улицах темно, куда податься? Слышу женские голоса.

- Неужели правда?

- Правда. Опять увели. С третьим порядочным мужиком знакомлюсь, - и уводят.

- Девушка, - я в подобной ситуации никогда не молчу, - зачем вам порядочные? Познакомьтесь со мной. Никто не уведет. Думал, испугаются. Нет, подходят. Одна, видимо, неудачница, проявляет живой интерес:

- Вы к нам надолго?

- На сутки.

- Мало, - огорченно замечает она.

Дорогу к гостинице все же указала. Напрасно. Меня туда все равно не пустили. Пришлось обращаться за помощью к пожарным - года два назад о Муромцевской пожарной части материал писал, должны бы вспомнить. Приближаюсь к ангару с машинами. Собачий лай. Минута, две, пять. У бедной собачки голос на хрип срывается. Вдруг разом из дверей выскакивают 5-7 мужиков. «Морду бить, - догадываюсь я, - думают, что пьяный хулиган бродит».

Ситуация безнадежная. Журналистское удостоверение выставить перед со-

бой? Бесполезно: второй час ночи, буквы не разберешь. Надеюсь на заискивающий голос:

- Братаны, свой я, из газеты.

Приняли не очень ласково. Главное - не избили и выделили кровать. Утром снабдили огурцами. А сверкавшие молнии в дождь так и не превратились. Стоило ли гнать велосипед?

ПО СЛЕДАМ ИВАНА КОЛЬЦО

В Муромцево меня занесло не просто так. Где-то здесь, в Муромцевском районе, на берегах реки Тары, погиб Иван Кольцо, первый помощник Ермака в сибирском походе (город Тара и река Тара географически между собой не связаны. Город Тара стоит на реке Каркаре. - Прим. автора.). Он бы и главным атаманом не подкачал, горячность ему карьеру портила. Это он, когда Строгановы отказались снабжать дружину провиантом, орал на купцов: «Открывай амбары к чертовой матери, или из пищали на кусочки всех разнесу!». Убедил купцов в своей правоте.

На реке Таре, в сотнях километров от Искера и Ермака, он оказался по следующей причине.

Карача, так именовалась должность главного визиря при Кучуме, восстал против своего благодетеля. Визирь, как можно понять из летописей, был влиятельным человеком среди сибирских татар. Его Кучум приблизил, чтоб сломить сопротивление местных народов. Методика известная: разделяй и властвуй. А карача, как у хана начались поражения, отвернулся от неудачливого владыки. Ушел с верными людьми вверх по Иртышу к реке Таре. Его родовые владения, лежавшие на берегах Тобола, находились под властью Ермака. Вдоль Тары карача (его имени в истории не сохранилось) и кочевал. Место крайне беспокойное: отряды степняков угрожают, Кучум тут же кочует. Словом, опасных врагов вокруг полно. Карача же почему-то вырабатывает план, как обескровить не опасного для него Ермака. Дружина казаков не стремилась дотянуться до Тары. От Искера, где обосновались ермаковцы, до Притаря полтыщи верст по Иртышу. А отряд уже заметно поредел, поход требовал кровушки.

Карача для начала решает раздробить силы русских. В сентябре 1584 года прибывает от него к Ермаку доверенный человек с предложением объединить силы. Якобы объединить.

- Мой повелитель предлагает забыть прошлое, - говорит посланник атаману, - и стать друзьями. А в подтверждение дружбы просит прислать три-четыре десятка казаков для защиты его кочевий.

Атаман понимает выгоду сделки: карача - авторитет среди местных татар, великолепная моральная поддержка. Сорок казаков под руководством Ивана Кольцо отправляются на речку Тару. Одну промашку допустил Ермак, не искусный в дипломатических тонкостях и привыкший полагаться на честное слово. Ему следовало взять аманатов, говоря иными словами, заложников из влиятельных татарских семей. Атаман этого не сделал.

Карача приветливо встретил казаков: поит, кормит... затем хладнокровно, исподтишка, убивает. Подлец, одним словом. Дальше - хуже. Бывший кучумовский визирь собирает войско и весной 1585 года окружает дружину Ермака в Искере. Бои идут с переменным успехом, в конце концов, русские ликвидируют осаду.

Прикидывая, где бы карача мог устроить ловушку Ивану Кольцо и его воинам (то место науке неизвестно), останавливаюсь в выборе на деревне Черталы, километрах в восьми от Муромцева вверх по Таре. Для карачи здесь безопасно, так как далеко от Иртыша, где мог появиться и Ермак, и Кучум, и отряды степняков. Вельможа,

затевая кровавое предательство, обязан был соблюдать осторожность. Черталы, к тому же, достаточно старинная татарская деревня.

В Муромцевском музее навел предварительные справки. Мне порекомендовали обратиться к Карымовой бабе Вале - в Черталах первый дом за складом. Скажу сразу, давно я не встречал такой замечательной бабушки - истинный клад знаний по народной медицине, приметам, обычаям. Достойна отдельной статьи.

Она в общих чертах рассказала следующее об истории образования села. **Замешаны все: и сибиряки (сибирские татары), и казаки, и казаны (казанские татары).** Меня больше заинтересовали казаки.

- Фагеля Хафисовна (так зовут бабу Вало по-татарски), казаки-то откуда здесь появились?

- Война в Сибири шла, а кому воевать хочется? Они сюда прибежали.

- Война между Кучумом и Ермаком?

- Ну. Только казаки не все у нас остались. Веру не принимали - ушли. Женщины наши им не нравились - одевались не так. Порядки были - строгие. Еще я помню: мулла не разрешал разговаривать с русскими.

- Я слышал, местные татары, боясь Ермака, землянки особые выкопали, они на столбах держались. Казаки придут, татары подрубят столбы и похоронят себя заживо.

- Эти землянки у Крутояра, ближе к Муромцеву, на другом берегу. Ты без лодки - не доедешь.

Правда, я не понял, речь шла об обычных землянках в татарских зимовьях или о специальных землянках-могилах, о которых мне рассказывали и до Муромцева - в Усть-Ишимском районе. Они с тем расчетом и создавались, чтобы обрушить на себя потолок с тоннами земли, когда враги стойбище займут. Так обрекали себя на смерть женщины, которые участию в сражениях почему-то предпочитали самоубийство. Хотя можно понять, почему. Такова их генетика. Женщины эволюцией создавались как хранитель: хранитель семьи, хранитель детей. Редкая способна идти в атаку.

РОЖДЕНИЕ ГИПОТЕЗЫ

Еду по Черталам (название произошло от слова «чуртолай» - большая щука) и удивляюсь. Я вижу татаристее большинства встреченных селян - светлокочие и светловолосые. Меня стали буравить мысли, противоречащие официальным научным версиям о причинах гибели Ивана Кольцо.

Не скрою, сомнения посещали и раньше. Зачем, например, караче понадобилось сорок казаков тащить сотни верст по тайге, примерно от Тобольска до Муромцева, если брать современные

ориентиры? Четыре десятка мужиков воины вероломного предводителя могли перебить спящими в двух-трех днях пути от Искера. Следы преступлений в сибирских болотах прятать легко. Но ему же действительно были нужны русские с их ружейным боем. Кочевья карачи оказались между степняками и кучумовцами, да и местные татары, наверное, без восторга воспринимали стада карачи. Почва болотистая, для кочевий пространства мало, тут еще «гости» нагрянули.

Не были для карачи лишними сорок казаков с пищалями.

И к чему позже он атаковал лагерь Ермака? Ведь ему не светило стать ханом Сибирского ханства. Это место оставалось либо за потомками Чингисхана, каковым являлся Кучум, либо за кланом тайбугидов из местных татар, которые вроде бы тоже свою родословную вели от монголов, либо русские снова брали Сибирь под свое крыло - местные татары тридцать лет назад добровольно приняли российское подданство. Визирь знал расклад сил. Объяснение его поступкам одно - глуп. Но сие неправда. Люди прошлого такими - не очень сообразительными - выглядят лишь в наших глазах, знающих ход истории. На самом-то деле за последние 40 тысяч лет человек умнее не стал.

Рискну высказать свое предположение. Иван Кольцо и его казаки чем-то очень сильно обидели тарских татар. И неудивительно. В Искере и его округе они являлись бесспорными хозяевами положения, вершили суд по своему усмотрению - завоеватели. Вдали от основных сил то же самое поведение вышло боком. А оскорбить карачу не составляло труда. Поводом могли стать его жены, невольное или умышленное надругательство казаков над татарскими святынями. Последнее вероятнее всего, иначе где бы визирь нашел в достатке воинов для осады казачьего войска, на войну без идеи людей собрать трудно. И какой смысл для карачи полностью истреблять попавших в его власть казаков? Против своих воевать не пойдут? Так тут кочевников полно. И есть доступное средство, чтобы неверных сделать верными: семья лучше всего привязывает к новой родине. Жени мужика, пусть дождетса первого ребенка, дальше следить не надо - не убежит.

А тайну лучше всего бережет молчание. Отсюда и запрет на разговоры с русскими, который продержался до XX века. Неразглашение тайны давалось легко, первые поселения русских в Притарье появлялись еще не скоро, контакты татар с русскими ограничивались общением с купцами и сборщиками налогов.

Стою у местной мечети, древнейшей в Омской области. Любуюсь стариной. На сердце легко. Я доволен собой, не зря приехал в Черталы, гипотеза родилась. Понимаю, она имеет кучу уязвимых мест. Ее оправдывает лишь одно - она не более ущербна, чем общепринятая.

Медленно еду по улице на своем двухколесном друге. У последних домов меня нагоняет парень.

- Нельзя уезжать из деревни, не попив чая, - говорит он, - о нас плохо думать будет.

Я возвращаюсь.

...Сажу за столом напротив мужчины. Он примерно моих же лет, слегка за сорок. Стеснительен. Вижу, что для журналиста, представляя его городским избалованным жителем, сильно потратились. Все продукты (тут же и бутылка водки, а как без нее) из магазина. Я также знаю, что на угощение для меня хозяин занимал деньги; слышал разговоры краем уха. А мне известно, как катастрофически плохо у селян с наличностью. Полдеревни надо было обойти, чтоб наскрести на стол для гостя. Те посиделки в моей памяти почти не сохранились, остались туманной дымкой. Я не могу описать свои чувства. С одной стороны, было крайне неудобно, что стал причиной больших расходов, а с другой, что-то вроде восторга теснилось в душе: я видел, я сам пережил это.

Виктор ГОНОШИЛОВ

Фото автора

(Продолжение в следующем номере).



Образился павшим в Великой Отечественной войне, который стоил на территории Усть-Шишской школы, пусть и выглядит скромно, зато возведен руками самих учеников. И совсем было бы неплохо, чтоб здесь же появился памятник Ермаку. В Омской области атамана по-новоевеченни в камне, ни в бронзе.

В КРАЮ НЕХОЖЕНЫХ ДОРОГ

Омский журналист Виктор Гоношилов, совершивший несколько длительных одиночных путешествий, готовит к изданию книгу «О Сибири своими словами». В нее войдут рассказы о краях, где побывал журналист, о людях, с которыми общался. Наша газета публикует одну из глав будущей книги - «В краю нехоженных дорог». Она посвящена той части пути Ермака, что была связана с территорией нынешней Омской области. Велопоход журналиста по ней состоялся летом 1998 года.

ПОСЛЕДНИЙ РЫВОК

Все, моя работа окончена. Разобравшись с причинами гибели ближайшего соратника Ермака Ивана Кольца, могу ехать на своем велосипеде без исследовательских остановок до самого Омска. Южнее Муромцева стоянок ермаковцев научной литературой не отмечено. В райцентре перед рывком на город хотел поесть по-человечески - первое, второе, третье. Пункты общественного питания, словно сговорившись оставить меня голодным, либо находились на замке, либо без продуктов. Выстояв медленно двигавшуюся очередь из трех покупателей в магазине (продавцы на селе неторопливы), купил колбаски с хлебушком. Тем и поужинал у придорожного указателя «Омск - 215». Две ночи в лесу и два дня - в дороге. Родной город стал явью. По пути выяснил происхождение давно интересовавшего меня топонима Моховой Привал.

- Название нашего села появилось еще в те годы, когда заключенных пешком гоняли, - охотно объяснил у ворот машинного двора один механизатор, - путь от Артына до сюда считался плечом, махом - расстоянием, которое одолевалось без привала. Здесь находились три государственных колодца. «Махнем, - говорили каторжане, - и привал».

Вечером 6 августа, в день смерти Ермака, я сделал свою последнюю остановку перед Омском: между километровым столбиком с цифрой 13 и постом ГАИ. Отдыхал на берегу небольшого овражка, забитого ржавым железом, пластиковыми бутылками и гниющими овощами. Сделал глубокий вдох, и из левого глаза выкатилась скупая мужская слеза: «Дома!»

Оседлал велосипед. На перекрестке чудом разминулся с «Волгой».

- Козел, куда прешь, в натуре?! - слова из машины предназначались мне.

Изысканная городская речь, от которой я сильно отвык, странствуя по таежным деревням, еще раз подтвердила: действительно дома! В миллионном городе, с его театрами и университетами.

ПОСЛЕДНИЙ ПОХОД АТАМАНА

Строки же, которые пойдут ниже, написаны в 2014 году. Собственно, и части материала, которые выходили в ноябре и декабре 2013-го, тоже обновлялись, хотя факты и диалоги, скажу в свое оправдание, оставались нетронутыми. А правка, где больше, где меньше, осуществлялась. Со времени моего велопутеше-

ствия прошло 15 лет. Меняется человек, меняется его отношение к слову.

То, о чем сейчас собираюсь сказать, меня тревожило давно, но выхода не находило. И вот, слава богу, появилась возможность. Дело в том, что Ермак со своим сибирским походом выписан по летописям и редким сохранившимся документам, где далеко не все связано нитью непогрешимой логики. Нестыжков полно. Поэтому, читаешь ли ты монографию о Ермаке или приключенческий роман о его героических буднях, видишь, как каждый автор выстраивает собственную линию бурной жизни атамана.

Мне на всю жизнь народного любимца замахать не по рангу, зато о его последнем плавании, которое связано с нынешней территорией Омского Прииртышья, почему бы и не поразмышлять. Ведь ему и посвящалось мое велопутешествие 1998 года.

Дальний поход Ермака в 1585 году по Иртышу и его смерть - самые противоречивые, на мой взгляд, вещи в биографии атамана. Сие связано с тем, что Ремезовская летопись о покорении Сибири, основной документ, по которому создаются все современные версии броска Ермака в верховья Иртыша, содержит в себе противоречие.

Летопись одна, а поход в ней представлен в двух вариантах. Семен Ульянович Ремезов - самый выдающийся в истории Сибири человек. Прожил он долго, около 80 лет, а сделал столько, что обычный человек на его месте не успел бы и за 500 лет. Во всероссийском масштабе для сравнения с ним подходит, как мне кажется, лишь монах Нестор. Он создал «Повесть временных лет» о первых веках русского государства. А Семен Ремезов описал историю Сибири и всю географию огромного края занес на рукотворные карты.

Гениальный человек во всем велик. Даже в своей скромности. Сдается мне, ему претила сама мысль считать себя умнее других. Поэтому она, показав в летописи (а создавалась она через сто с лишком лет после присоединения Зауралья к Руси) собственное мнение о покорении Сибири Ермаком, не оставил без внимания взгляды других людей. Текст Ремезовской летописи можно представить в виде двух сводов: «Истории Сибирской» и «Летописи Сибирской краткой Кунгурской». Их внешнее отличие связано с почерком. «История Сибирская» написана ясным чертежным почерком Ремезова, а так называемый Кунгурский летописец изложен скорописью, какой люди пишут

заметки для себя. И как раз в этих двух сводах летописи последний поход Ермака подан совершенно по-разному.

А в монографиях и романах он выглядит, как правило, однотипно. Первого августа 1585 года приходит к Ермаку в Искер гонец и сообщает, что из Бухары прибыл купеческий караван, а злодей Кучум его задержал.

Ермак выходит на крыльцо и кричит во весь голос: «Гей, хлопцы удалые, по коням, в смысле, по стругам - и погна!».

Гребут казаки, торопятся, попутно с боем, кровь-то горячая, берут татарские крепости. Достигают Шиштамака, расположенного в устье реки Шиш (нынешняя территория Знаменского района Омской области), каравана не находят. Поворачивают обратно. Пятого августа, не доплывая примерно ста верст до Искера, казаки сворачивают в устье реки Вагай, плывут против течения, потом спускаются вниз. Устали, конечно. Укладываются спать прямо под проливным

в этот день? А Семен Ульянович в бога веровал искренне. И хотел обосновать, почему 6 августа стало поминальным. Так не редко бывает, когда творческий человек попадает под гипноз цифры, мнения. Отсюда и установившаяся дата смерти Ермака. В то же время Ремезов как ученый объективен. И появляется описание истинного похода. Признать его плодом вымысла сложно - слишком много подробностей. В Ремезовской летописи это не единственный случай противоречия в описании события. Думаю, Ремезов, собирая сказания о Ермаке, не считал для себя допустимым утаить хотя бы одно.

ЕРМАК ПОГИБ НЕ В АВГУСТЕ, А В СЕНТЯБРЕ

Теперь излагаю собственную версию событий.

6 августа Ермак выходит в свое последнее плавание. На юг. Двигается, покоря татарские волости, не спеша.

дождем на иртышской луке, образующей что-то вроде острова. Удивляет все же не готовность спать под дождем, хотя в стругах шатры и полога лежат, а скорость передвижения отряда. Он на гребных судах за пять неполных дней преодолел не менее 1000 верст, половину из них - против течения. Это всего лишь в два раза медленнее теплохода на подводных крыльях. Ну, не могли казаки так быстро плыть.

В чем же дело? А дело в том, что по версии, изложенной в «Истории Сибирской», казаки дошли лишь до Вагая (около ста верст), где и погибли от руки кучумовских воинов в ночь с 5 на 6 августа. Зато в Кунгурском летописце они же в поисках бухарского купеческого каравана с боями сплавляют до устья Шиша и, вернувшись, так же погибают ночью на берегу Иртыша у устья Вагая. Но в Кунгурском летописце ссылок на конечную дату похода нет. А маршрут трудный, красивый, как его можно опустить из повествования (я сейчас говорю об авторах монографий и романов)?!

О последнем бое казаков с воинами Кучума писать, пожалуй, не стоит. Событие для любого сибиряка общеизвестное. Русские то сражение проиграли. Ермак тонет в Иртыше, на дно реки атамана утягивают тяжелые панцири.

А дальше уже надо рассказывать по-подробнее. 13 августа, через семь дней после ночного побоища, татары вылавливают тело Ермака. Вода теплая, ткани разлагаются. В них накапливаются пузырьки газов и тянут утопленника вверх. Мертвого атамана кладут на лабаз, и каждый проходящий татарин мечет в него стрелы из лука. Забава, если посчитать по календарю, продолжается около 12 недель, до начала ноября. Запомните, пожалуйста, эти 12 недель. Кровь все время течет алая свежая, запаха тления нет. Приезжает Кучум, торжествует, глядя на убитого врага, а татары проникаются благоговением к атаману: нарекают его богом и хоронят со всевозможными почестями.

Вам не кажется странным, что мертвец, пролежав на открытом воздухе полтора теплых месяца, половину августа и полностью сентябрь, не тронут тлением? А мне кажется. Тело должно превратиться в студень, оно разлагается и изнутри (воды утопленником проглочено достаточно) и снаружи (от ран, нанесенных стрелами). Но данные-то о надругательствах над телом Ермака можно считать достоверными: их собрал Ульян Ремезов, отец будущего летописца. Разрешимо ли противоречие? Да.

В Кунгурском летописце казаки из Искера отплывают не 1-го, а 6 августа. И эта же дата указана в синодике, поминальном списке погибших казаков. А он составлялся со слов оставшихся в живых. Видимо, 6 августа в «Историю Сибирскую» и пришло из синодика. Может быть, поминали павших ермаковцев

Может быть, не за караваном вовсе. Ожидается подход отряда стрельцов из Московии. Почему бы не увеличить подведомственную территорию. Зимой проще еду добывать. Думаю, что против течения Иртыша казаки шли со стандартной скоростью того времени: около 30 верст в день. Где на веслах, где на парусах, а где-то, чтоб дать отдых рукам, применяя технологию бурлаков.

На пять с половиной сотен верст до Шиштамака ему понадобится 18 дней. Плюс пять дней - бой у Куларов. Одинадцать - выходных. Обязательно. Без отдыха сдохнешь. А часы каждый день как вода сквозь пальцы. Много их уходит на приготовление пищи. Консервов не имел, мясо и рыбу требовалось варить. При грубом расчете получается, что на переход в одну сторону потребовалось не меньше 25 дней. Затем 450 верст по течению в обратный путь до Вагая. За счет течения Иртыша увеличим скорость до 70-80 верст в сутки. Еще 6-7 дней. Плюс день на прочесывание Вагая. Получается - 31-32 дня. Потом тело мертвого Ермака находится 7 суток в воде. Получается 38-39 дней. И какая дата на извлечение его из воды выпадет? 12-13 сентября. Прибавляем еще 10 дней разницы между календарями 16 и 21 века. Выпадает 22-23 сентября по современному календарю, календарю эпохи климатической оттепели. Какая погода обычно стоит? Тепло еще по ночам. Вода не застывает. В Омске. В Тобольске прохладнее. Думаю, погода для шестнадцатого века - ночью заморозок, днем от солнышка теплеет - в порядке вещей. Такое тело, оттаявшее за день, можно было расстреливать из лука и видеть, как выступают капельки сукровицы, которую совсем легко, чуть-чуть фантазии, выдать за свежую кровь.

- Версия неплохая, - отметит снисходительный критик. - Но более убедительные доказательства, кроме авторских умозаключений, есть?

- Обижаете, батенька, - отвечу я. - Чай, не первый день небо коптим. Следите за мыслью. Вот атамана выловили: «И лежал (Ермак. - В.Г.) на лабазе, - сказано в ремезовской «Истории Сибирской», - шесть недель до первого дня ноября, пока из отдаленных мест не пришли Кучум с мурзами и кондинские и обдоринские князья...» (Перевод на современный язык дается по «Ремезовской летописи». Тобольск, 2006. - Прим. редакции). А теперь от даты 1 ноября отнимите шесть недель. И что получится? 20-21 сентября по стилю 16 века. Выходит, Ермак плыл даже медленнее, чем я рассчитывал.

Но зачем, спрашивается, татары, стреляя в мертвое тело, так издевались над Ермаком? Да не издевались они. Но о том читайте в следующем номере.

Виктор ГОНОШИЛОВ
Фото автора

(Окончание в следующем номере).

Крепостные стены Тары.
Город появился как военная база
для борьбы с Кучумом.



В КРАЮ НЕХОЖЕНЫХ ДОРОГ

Омский журналист Виктор Гоношилов, совершивший несколько длительных одиночных путешествий, готовит к изданию книгу «О Сибири своими словами». В нее войдут рассказы о краях, где побывал журналист, о людях, с которыми общался. Наша газета публикует одну из глав будущей книги - «В краю нехоженных дорог». Она посвящена той части пути Ермака, что была связана с территорией нынешней Омской области. Велопоход журналиста по ней состоялся летом 1998 года.

(Окончание. Начало в № 44 (990)
от 6 ноября 2013 г.)

КАКОЙ БЫЛА ПОСЛЕДНЯЯ НОЧЬ ЕРМАКА?

Родоначалник сибирского казачества прожил бурную жизнь. Если следовать наиболее распространенной версии его биографии, то и суда по рекам для купцов Строгоновых гонял, и разбойничал, и державу от врагов защищал, и большой кусок территории, отторгнутый Кучумом, снова родной стране вернул. А погиб не очень красиво. Убегая от врагов то ли августовской, то ли сентябрьской ночью 1585 года, прыгнул с берега в Иртыш и, увлеченный на дно реки двумя тяжелыми панцирями, утонул. Последняя ночь жизни как-то не вяжется с обликом авторитетного бойца в самом расцвете сил: в 40-45 лет.

Откуда ж появилось описание бегства Ермака? Сами-то казаки, рассказывая о ночном бое с Кучумом, ни о чем подобном не говорили. Оказывается, один из тобольских чиновников, работая над воспоминаниями о походе Ермака, для полной объективности картины, решил взять что-то вроде интервью у татар, которые, по их словам, участвовали в сражении против казаков. Они, повествуя о своей победе, не стеснялись показывать себя героями, а врагов - трусами. Ну, в общем, как и принято среди мужчин любого народа и любой эпохи. Я их за браваду не осуждаю, но в объективности нарисованной ими картины сомневаюсь.

Как тот ночной бой выглядит по летописной версии? Казаки, просидевшие целый день на веслах, улеглись спать на иртышском берегу прямо под проливным дождем. Пологи и шатры, которые хранились на стругах, они решили не разворачивать. И часовых для охраны лагеря не назначили. Почему? Устали. Сон сморил быстро. Тут-то воины Кучума налетели и начали душить, резать спящих. Некоторые русичи все же успели проснуться и прорваться к стругам. Ермак бежал позади всех, прыгнул с берега, желая попасть в последний отходящий струг. Промокнулся. Казаки (вы способны такое представить!) не стали спасать своего командира, а побыстрее рванули вниз по реке.

А как могло быть на самом деле? Я, как человек немало походивший с рюкзаком за плечами, должен заметить, что бойцы Ермака ни при какой усталости не легли бы спать под проливным дождем. Не уснуть под холодными струями. Даже когда тебя одного в час ночи, страшно из-

мотанного, настигает ливень с грозой, ты все равно ставишь палатку. В ней сыро, но все же суше и теплее, чем на улице. А у Ермака в ту злополучную ночь под рукой находилось от 50 до 300 человек, разбитых на десятки. Каждое отделение, не будь даже пологов в ладьях, шалаш бы за десять минут для себя сварганило. Поверх прутьев накинь парус - и убежище на ночь готово.

Поэтому вряд ли убийство спящих русичей происходило безнаказанно для нападавшей стороны. Ночной бой обязательно разгорелся, невозможно бесшумно проникнуть ни в шатер, ни в шалаш. У Ермака, пока сражение шло на периферии походного стана, нашлось время надеть два панциря зараз. Он был человеком хладнокровным и, как мне кажется, очень благородного происхождения. Думаю, княжеских кровей. Уж слишком грамотно он для необразованного гребца воевал. Скрывался же по причине какой-то вины, может, даже не собственной, а предков, перед царем.

Многие исследователи ставят под сомнение указание Ремезовской летописи о двух панцирях на Ермаке. Мол, зачем два-то? А причина проста. Ночной бой. Удары, идущие из темноты, отражать трудно. В такой ситуации железо надежнее мастерства защищает тело.

Конечно, Кучум в той сече обладал большим преимуществом. Он знал число русских, их расположение, использовал фактор внезапности. Казаки, сражаясь вслепую, отступали. Им было неведомо, какие силы брошены против них. Погибло, если учитывать в какой сумятице сражались, все же немного: семь-восемь человек.

Ермак же ни при каком раскладе не мог прыгнуть с берега в воду. В августе и сентябре низший уровень воды в русле. С какого берега не сигай, упадешь на песок. Ермака, скорее всего, сразила стрела, когда казаки сталкивали струги с отмели на глубину. На фоне воды цели для лучников прекрасные. Да и воспоминания татар в отношении того, какой смертью умер атаман, тоже разнятся. В свое время я опубликовал («Омская правда», 16 мая 2012 г.) собственными ушами услышанное от пожилой татарки предание о том, что предводитель казаков пал от стрелы, едва успев подняться с земли.

ПРОТИВОРЕЧИВАЯ ТРИЗНА

А хоронили татары Ермака странно. В его тело несколько недель стреляли из луков. Вроде бы как издевались, а потом вдруг нарекли богом и погребли со всевозможными почестями.

В чем же причина такого противоречивого отношения к погибшему Ермаку? Довольно убедительно на этот вопрос ответил историк Л.Р. Кызласов в своей статье «Ранний этап присоединения Сибири к России в свете духовных особенностей эпохи», опубликованной в 2005 году в «Вестнике Московского университета». Автор указывает, что обряд похорон Ермака свидетельствует о сохранении жителями Сибири древней манихейской монотеистической религии. У нее общие корни с христианством, схожа и сакральная атрибутика - крест, хотя и разница существенная, в том числе в погребальной церемонии. Например, пускание стрел в тело Ермака является не надругательством над телом врага, а, как считает Кызласов, жертвоприношением. Стрела - вещь ценная, поэтому выглядит вполне достойным даром для духов. И под высокой кудрявой сосной татары похоронили Ермака совершенно осознанно. Сосна в представлении местных

ских линий соперники были примерно равны. А по военной силе превосходили шибаниды.

В 1555 году, когда шибанид Кучум при поддержке Бухары и Ногайской орды открыл боевые действия за захват сибирского царства, тайбугиды Едигер и Бекбулат, два брата, управлявшие Сибирским ханством, приняли подданство Руси. Кучум тоже пообещал Москве признать ее верховенство. И русское правительство во внутрисибирскую свару не вмешивалось. То нельзя назвать цинизмом. Тайбугиды не посылали обусловленную договором дань. Около двух десятков лет Кучум с боями шел к сибирскому трону. Добился своего. В 1563 году занял столицу Сибирского ханства Искер, казнил братьев-соправителей, послал ясак царю Ивану Грозному... и разорвал отношения с Москвой. Больше того, его войска чуть ли не каждое лето отправлялись грабить русские города. За боевыми действиями Кучум просматрел,

жителей - дерево с особым культовым обликом. Кроме того, деревья, якобы, являются связующей нитью между небом и землей, они способствуют переносу человеческих душ в заоблачную обитель.

БОРЬБА ЗА СИБИРЬ ПОСЛЕ ЕРМАКА

В общественном сознании почему-то отложилось, что Ермак, хоть и пал от руки кучумовских воинов, а Сибирь чуть ли не в цветной упаковочке вернул России. И власть Москвы на просторах Зауралья установилась сразу же после похода казаков.

На самом же деле история получилась более длинной. Ермак разрубил обруч, которым Кучум насильно удерживал под своей властью сибирские племена. На место потерявшего воинскую силу и авторитет правителя Сибирского ханства нашлось как минимум три претендента: сын Кучума по имени Алей, представитель клана местных татар тайбугидов по имени Сейдяк (Саид Ахмад-бек) и, само собой, Московская Русь.

Для начала напомним, что Сибирь при разделе империи Чингисхана отошла старшему сыну Джучи, затем сыну Джучи - Шибану. Династия, известная как шибаниды, правила краем до 1495 года. Затем ханский престол силой заняли тайбугиды.

Кучум происходил из шибанидов, поэтому считал своим долгом вернуть престол предков. Хотя чингизиды установили правило, согласно которому ханом считался только тот человек, в жилах которого текла кровь Чингисхана, однако сами они далеко не все имели стопроцентное подтверждение родовой чистоты. Джучи, старший сын Чингисхана, дальним потомком которого являлся Кучум, вполне мог быть сыном другого человека. Так уж получилось, что отец Чингисхана прямо из-под венца увел девушку Оэлу, которая стала мамой Темучина, так звали Чингисхана в юности. Когда же Темучин только-только сыграл свою свадьбу, то уже у него, мстя за отца, увели возлюбленную. Опозоренный муж нашел сильных союзников и жену отбил. Правда, она уже была замужем за другим монголом и... беременной. Злые языки утверждали, что родившийся вскоре мальчик никак не мог быть от Темучина. В те годы Темучин еще только шел к титулу Повелителя всех людей, то есть Чингисхана, поэтому просто молчал, а ребенка воспитывал как своего. А может быть, действительно своего. Но как бы ни было, Кучум и его сын Алей не обладали абсолютным правом на сибирский трон.

Соперники шибанидов за сибирский трон - тайбугиды - род местных татар. Они считали, что их родословная ведется от Ван-хана, главы мощнейшего монгольского племени кераитов и одновременно названного брата отца Чингисхана. Как видим, по авторитетности династиче-

как его противники тайно вывезли в Бухару и пригнали Сейдяка, сына одного из казненных братьев.

Стоило Ермаку одержать первые победы над Кучумом, Сейдяк тотчас отправился в Сибирь. Парень не глупый. Дожидаясь исхода войны между Ермаком и Кучумом, времени даром не терял: тайно собирал собственную армию. Когда Алей, сын Кучума, уселся в Искере с надеждой править, к стенам города подошло войско Сейдяка. После тяжелого сражения столица досталась Сейдяку. К нему для дачи клятвы сразу же поехали местные князья. Свой человек.

НУ, А ГДЕ ЖЕ МОСКОВСКИЕ ВОЕВОДЫ?

Казаки покинули Сибирь сразу после гибели Ермака. На смену им осенью 1585 года приплыл на ладьях отряд из 700 стрельцов под командованием Ивана Мансурова. Стрельцы, увидев хорошо налаженную оборону Искера, не рискнули идти на штурм. Развернули суда и ушли на север. Воздвигли временный военный городок на берегу Оби неподалеку от устья Иртыша.

Потом в течение двух лет в Сибирь прибыло еще два русских отряда, с одним из них пришли оставшиеся в живых казаки Ермака. Были заложены Тюмень и Тобольск. Причем Тобольск специально строился близко от Искера, всего в 20 верстах, чтоб сосредоточить силы и нанести удар по сибирской столице. Но воевать не потребовалось. В 1587 году Сейдяк и карача (бывший визирь Кучума) с большой вооруженной свитой приехали на прием в Тобольск. Описания случившегося на той встрече выглядят весьма противоречиво. Не понятно, что там произошло: то ли осуществился захват гостей врасплох, как продуманная месть караче за убийство исподтишка в 1584 году пригласенных им на службу казаков, то ли вспыхнула обычная пьяная потасовка. Сейдяк и карачу скрутили. Отправили в Москву. На Руси не бедствовали: получили земельные наделы и чины.

А что же Кучум? Он долго кочевал по берегам сибирских рек с остатками приближенных, а некоторые из его сыновей уже служили русскому престолу. Постаревший шибанид устраивал нападения на русские и татарские поселения, пытался овладеть Искером. Есть его заслуга в основании Тары. Город закладывался для усиления влияния на южные пространства Сибири и одновременно как военная база для нанесения окончательного поражения Кучуму. Хан погиб в 1598 году от руки ногайцев, в прошлом своих союзников. Было ему от 58 до 68 лет. А его потомки, сыновья от множества жен и внуки, еще около 70 лет вели партизанскую войну против татар и русских.